

ТАЙНАЯ СТРАЖА РОССИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ.
КНИГА ТРЕТЬЯ

Коллектив авторов

**Тайная стража России. Очерки
истории отечественных органов
госбезопасности. Книга 3**

«Алисторус»

2019

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

Коллектив авторов

Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Книга 3 / Коллектив авторов — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907211-28-5

История специальных служб любого государства всегда вызывает повышенный интерес, как у специалистов, так и у обычных людей. Третья книга серии «Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности» содержит уникальную информацию, ранее недоступную широкому кругу читателей. В очерках отражены вопросы истории отечественной контрразведки, борьбы с терроризмом и бандитизмом, участия сотрудников органов Госбезопасности в военных конфликтах XX века. Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей России.

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-907211-28-5

© Коллектив авторов, 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Предисловие	6
На страже трона	10
Ю.Ф. Овченко	10
А.И. Логинов	24
Л.С. Яковлев	36
Конец ознакомительного фрагмента.	55

А.Ю. Попов
Тайная стража России
Очерки истории отечественных
органов госбезопасности
Книга 3

© Попов А.Ю, автор-составитель, 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Предисловие

Читатель держит в руках очередную книгу «Тайная стража России. Очерки отечественных органов безопасности», представляющую собой важную часть реализации научного проекта «Тайная стража России». Неожиданно для самих его участников за выходом первой книги в 2017 году, которая задумывалась как коллективная монография, последовала вторая – в 2018 году, а теперь и третья, что означает превращение продолжившегося издания в ежегодник.

В настоящей книге сохранено прежнее деление на разделы, которое, надеемся, станет уже традиционным. Раздел «На страже трона» открывает очерк Ю.Ф. Овченко, посвященный своеобразной системе общественно-политических взглядов С.В. Зубатова. При чтении этого материала возникает невольное уважение к герою очерка, который не погряз в управленческой рутине, а попытался подняться над текущими делами и привести свои взгляды на тогдашнюю действительность и роль органов государственной безопасности в жизни империи в некую систему. Вошедший в этот же раздел любопытный очерк В.В. Кашина также посвящен внутреннему миру сотрудника ОГБ – сравнительно с С.В. Зубатовым, невысокого ранга – ротмистра, занятого коллекционированием марок. О малоизвестной истории попытки покушения на Николая II написан очерк А.И. Логинова. Безусловно, полезным для всякого, кто хочет разобраться в организации отечественной контрразведки в дореволюционный период, будет очерк Л.С. Яковлева, имеющий обзорно-систематизирующий характер. Очерк Д.А. Ларина, на первый взгляд посвященный сугубо специальному вопросу, по мере чтения приобретает почти детективную окраску. Курьезные случаи проявления шпионмании в годы Первой мировой войны, описанные в очерке Н.С. Кирмеля, могут показаться только забавными, если не задумываться о наступивших для их героев последствиях.

Как и в первом, во втором разделе книги помещен обзорно-систематизирующий очерк, представляющий собой изложение истории структурного развития органа госбезопасности. Это материал О.И. Капчинского, посвященный центральному аппарату ВЧК. Следующий очерк – А.С. Соколова – любопытен не только поднятой в нем проблемой, но и демонстрацией того, как насыщенному цифрами материалу можно придать увлекательность. Последняя задача с успехом решена и в очерке А.В. Рыжикова, в котором описано одно из проявлений движения «зеленых» – «третьей» силы Гражданской войны. Этот очерк содержит и неожиданный современный сюжет – о литературном и научном плагиате. Второй силе Гражданской войны – «белым» и их органам контрразведки и политического сыска – посвящены очерки, написанные Н.С. Кирмелем и В.Г. Хандориным. Новыми деталями дополняет известную историю раскрытия чекистами «Ордена романовцев» очерк И.С. Мамаева.

Раздел «Щит и меч страны Советов», посвященный межвоенному периоду, открывает очерк В.П. Галицкого, в котором автор описывает процесс разоружения Северного Кавказа вскоре после окончания Гражданской войны. Тема Северного Кавказа затрагивается и в очерке О.Б. Мозохина «Организация борьбы с фальшивомонетничеством», хотя в очерке охватывается вся территория СССР того периода. Второй очерк О.Б. Мозохина, помещенный в этом разделе, раскрывает механизм фабрикации политических дел в 1930-х гг. Наконец, интересный очерк С.В. Тужилина об участии органов госбезопасности СССР в военном конфликте у озера Хасан завершает этот раздел и как бы предваряет очерки, посвященные периоду Великой Отечественной войны, вошедшие в раздел «В годы военного лихолетья».

В этом разделе функцию обзорной систематизации материала выполняют три очерка А.Ю. Попова. Особого внимания заслуживают очерки А.Б. Кононова и А.И. Логинова. В очерке А.Б. Кононова замечательно передана обстановка в Архангельске в период Великой Отечественной войны, где в непростой военной повседневности соприкасались советские

граждане и английские военные моряки – участники знаменитых морских конвоев. Очерк А.И. Логинова – интересно изложенная хроника жизни одного успешного партизанского отряда.

Раздел «Органы госбезопасности во второй половине XX столетия» открывается тремя актуальными очерками В.П. Григоренко, два из которых написаны в соавторстве с О.В. Анисимовым, посвященными борьбе с бандподпольем на Украине и в Прибалтике в первое десятилетие после окончания Великой Отечественной войны. По охвату материала на большое полотно претендует очерк О.М. Хлобустова, в котором проводится анализ роли спецслужб в информационной войне периода «холодной войны». Внимания заслуживает и очерк А.П. Шатилова – автор попытался провести беспристрастный анализ вероятной программы преобразований, задуманных Ю.В. Андроповым.

Интерес читателей не могут не вызвать разделы «Методология. Историография. Источниковедение» и «Воспоминания. Сообщения. Интервью», появившиеся во второй книге «Тайной стражи». И если очерк Н.С. Кирмеля, посвященный историографии белогвардейских спецслужб, можно назвать выдержанным в сугубо научном тоне, то три других очерка, помещенных в разделе «Методология. Историография. Источниковедение», имеют полемический характер. Так, очерк Н.С. Кирмеля и А.И. Пожарова посвящен проблемам преемственности дореволюционных и советских органов безопасности. Приятно осознавать, что проблема, поднятая в первой и второй книгах нашей серии¹, получила дальнейшее развитие, и авторы разделяют предложенный, более широкий, сравнительно с традиционным, взгляд на вещи. М.Ю. Литвинов в своем очерке довольно методично развенчивает мифы о процессах, которыми сопровождалось воссоединение республик Прибалтики и СССР в предвоенный период, созданные прибалтийскими идеологами новейшего времени. Особого внимания заслуживает очерк А.Р. Дюкова, в котором поднимается непростая проблема достоверности материалов, содержащихся в следственных делах по политическим преступлениям, относящихся к периоду 1930-х гг.

В разделе «Воспоминания. Сообщения. Интервью» помещены два литературных произведения. Первое, которое подготовили к печати О.Б. Мозохин и Ю.А. Борисенок, создано в начале XX века и содержит необычный взгляд на революцию 1905 г. из... публичного дома. Литературные достоинства этого сочинения редакционная коллегия оставляет без комментариев. Интерес оно представляет прежде всего тем, что принадлежит В.Р. Менжинскому. Произведением Ю.Д. Бойкова, посвященным борьбе сотрудников Управления ФСБ России по Липецкой области в 1990-х гг. с так называемой «братвой», логично завершается настоящий выпуск серии «Тайная стража России. Очерки отечественных органов безопасности».

Рядом помещенных в настоящем издании работ редколлегия серии предполагает (и предлагает потенциальным авторам) начать обсуждение важных проблем, которые станут в дальнейшем существенным элементом научного проекта «Тайная стража России», а в формате издания могут составить сквозные темы серии или даже специальные темы отдельных ее выпусков.

Известно, что в общественном сознании долгое время формировалось (и продолжает формироваться) негативное отношение как к российским органам госбезопасности в целом, так и к отдельным их представителям – и в прошлом, и в настоящем. Долгие годы этому идеологическому напору противостояли вялые попытки ведомственных историков охранить честь мундира, выдвигая в качестве почти икон образы Ф.Э. Дзержинского и Ю.В. Андропова. Этого явно мало, а в свете сегодняшнего дня и неактуально. Кроме того, лик горячего сторонника мировой революции «железного Феликса» в свете истории красного террора имеет слишком

---

¹ Королев А.С. Концы и начала: к вопросу об истоках современных российских спецслужб // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. М., 2017. С. 9–30; Королев А.С. Введение // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 2. М., 2018. С. 8–16.

много темных пятен. А на фигуре одного Андропова, как говорится, далеко не уедешь. Да и историческая роль этого заметного государственного деятеля в негативных процессах, которые запустили процесс распада советской сверхдержавы, еще ждет своей оценки. Обсуждение этих двух культовых для советских «чекистов» фигур и может стать важной темой серии. В этом смысле очерк А.П. Шатилова как бы приглашает к дискуссии. Заметим, что в последние годы делаются попытки дополнить привычный уже набор из двух слишком знакомых образов новыми. И здесь можно приветствовать появление биографий деятелей отечественных органов госбезопасности, вышедших в серии ЖЗЛ. Редколлегия «Тайной стражи России» предлагает всем заинтересованным авторам включиться в процесс поиска новых героев среди сотрудников органов госбезопасности второй половины XIX – XX в. Это могут быть как истории конкретных подвигов, так и интересные жизнеописания людей, которые честно исполнили свой долг. И в этом смысле очерки Ю.Ф. Овченко о С.В. Зубатове и В.В. Кашина о С.М. Ральцевиче – подступы к еще одной важной теме серии.

В рамках заявленной в вышедших книгах серии проблемы установления преемственности между органами госбезопасности царской и советской России в дальнейшем особое внимание будет уделено установлению сотрудников дореволюционных государственных учреждений (аналоги которых стали составной частью советских органов госбезопасности), продолживших свою службу при «новом» режиме. Представляется важным проследить судьбу этих людей при советской власти. Интерес будут вызывать и все прочие факты преемственности спецслужб «старого» и «нового» режимов – в инструкциях, методах и порядке работы. Эта проблема составит еще одну тему серии.

Как нам представляется, объектом внимания должны быть не только сотрудники и подразделения центрального аппарата органов госбезопасности царской или советской России, но и их территориальные подразделения. Так что «провинциальные» отечественные органы госбезопасности – еще одна перспективная тема серии.

Непростой вопрос о механизмах проведения массовых политических репрессий в 1930-х годах поднят в очерках О.Б. Мозохина («История создания Центрального Комитета «Трудовой крестьянской партии») и А.Р. Дюкова. Тему эту предлагается продолжить. Редколлегия заинтересована в публикации материалов и исследований, посвященных установлению как методов проведения политических процессов 1930-х гг., так и выявлению того достоверного, что содержалось в делах, по которым принято решение о реабилитации их фигурантов. Как известно, в ряде случаев решения эти принимались так же поспешно, как ранее фабриковались дела. И здесь вполне можно согласиться с мнением директора ФСБ А.В. Бортникова, озвученным в резонансном интервью, данном в декабре 2017 г.: «Хотя у многих данный период ассоциируется с массовой фабрикацией обвинений, архивные материалы свидетельствуют о наличии объективной стороны в значительной части уголовных дел, в том числе легших в основу известных открытых процессов. Планы сторонников Л. Троцкого по смещению или даже ликвидации И. Сталина и его соратников в руководстве ВКП(б) – отнюдь не выдумка, так же как и связи заговорщиков с инспецслужбами. Кроме того, большое количество фигурантов тех дел – это представители партноменклатуры и руководства правоохранительных органов, погрязшие в коррупции, чинившие произвол и самосуд».

Разумеется, в следующих книгах серии читатель не будет читать лишь то, что относится к вышеперечисленным темам. Любой интересный материал по истории органов госбезопасности России второй половины XIX – XX в. будет рассмотрен и по возможности опубликован. Как и прежде, инициативная группа, начавшая издавать «Тайную стражу России», надеется на сотрудничество с авторами, проводящими научные изыскания или располагающими материалами по данной проблематике. Направляйте предложения, тексты исследований и материалы в редакционную коллегию на электронный адрес: **taynayastrazha2018@mail.ru**. По-прежнему удобной площадкой для апробации результатов исследований может стать конференция

Исторические чтения на Лубянке» «Лубянские чтения», которая проходит ежегодно во второй половине ноября в Москве. Просим заблаговременно, не позднее сентября, высылать заявки на участие и тезисы выступлений на вышеуказанный электронный адрес. По итогам конференции публикуется отдельный сборник тезисов, а наиболее интересные исследования будут опубликованы в ежегоднике «Тайная стража. Очерки отечественных органов безопасности» в объеме, значительно превосходящем предложенные к рассмотрению тезисы. Итак, ждем интересных предложений!

А.С. Королев

На страже трона

Ю.Ф. Овченко

Надворный советник Зубатов и его философия «полицейского социализма»

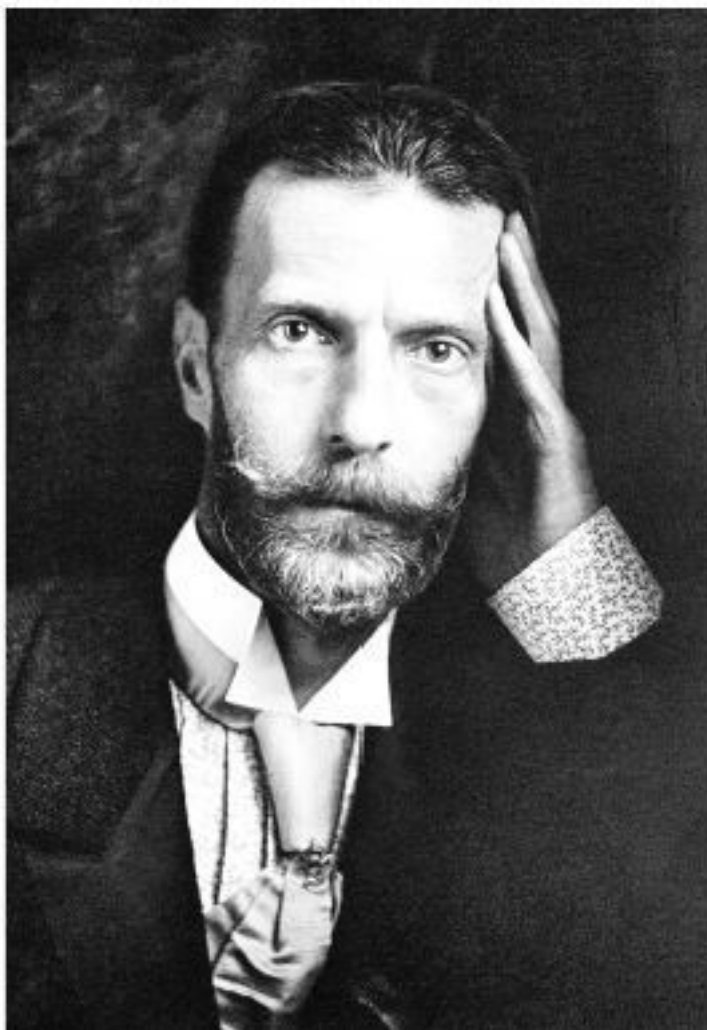
Конец XIX – начало XX в. ознаменовались дальнейшим углублением кризиса самодержавия в России. Противоречия обострились между всеми слоями общества. Эта ситуация осложнялась международным положением России. Международный капитал рассматривал ее как сырьевой рынок с дешевой рабочей силой, за счет которого можно обогащаться. Один из еврейских банкиров признался, что революция ослабляет народы и приводит их в состояние меньшей сопротивляемости чуждым им предприятиям². Поэтому ведущие капиталистические державы стремились оказать на Россию политическое и экономическое давление. Чтобы развязать себе руки в Европе, Германия подталкивала Россию к войне с Японией, которая, подстрекаемая Англией и Америкой, развязала войну на Дальнем Востоке.

Являясь союзником международного капитала, русская буржуазия оказывала сильное давление на правительство, добиваясь политической власти. Средством такого давления она считала революционное движение. Политические партии получали значительные средства от капиталистов на революционные нужды. Чем мощнее становился российский капитал, тем сильнее было сопротивление рабочих, борющихся за свои политические и экономические права. В этих условиях курс на «незыблемость самодержавия» означал сохранение «единой и неделимой России». Производился он за счет централизации, бюрократизации, военизации государственного аппарата, расширения его юридических и политических полномочий. Усиление режима означало формирование в России тоталитаризма.

Главным орудием самодержавия в осуществлении внутренней политики являлось Министерство внутренних дел и его многочисленные местные органы. Однако так называемый рабочий вопрос выпадал из-под влияния МВД. Через свой аппарат оно осуществляло политику репрессий, направленную на подавление народных выступлений. Фабрично-заводскими рабочими ведало Министерство финансов, а горнозаводскими – Министерство земледелия и государственных имуществ. Тем не менее полиции приходилось все чаще вмешиваться в разрешение конфликтов между капиталистами и рабочими.

---

² Платонов О., Райзеггер Г. Мировая гегемония Америки. Летопись кровавых преступлений. М., 2012. С. 46.

Д.Ф. Трепов

Великий князь Сергей Александрович

К концу 90-х гг. XIX в. социал-демократы от теоретической пропаганды перешли к непрерывной агитации среди рабочих на почве существующих их повседневных нужд и требований. Это дало положительные результаты. Рабочее движение быстро росло³.

Полиция понимала необходимость реформ, в частности сокращения рабочего дня, однако натывалась на ожесточенное сопротивление буржуазии. В числе тех, кто обратил внимание на необходимость урегулирования «рабочего вопроса», был начальник московской охраны С.В. Зубатов. Он хорошо знал революционное движение в России и за рубежом и понимал, что одними репрессивными мерами справиться с ним невозможно. В процессе борьбы с рабочими выступлениями у Зубатова сложилась своеобразная философия так называемого полицейского социализма, или зубатовщины. Его идеи были направлены на укрепление доверия рабочих к самодержавной власти, чтобы под ее покровительством мирным путем добиваться решения своих проблем. Сам Зубатов считал, что начало «рабочего вопроса» было

---

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1695. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

положено его докладом московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу.

В переписке с публицистом и издателем В.Л. Бурцевым он упоминал «громадный доклад», представленный первоначально обер-полицеймейстеру Д.Ф. Трепову. Через неделю Трепов возвратил доклад в урезанном виде и предложил Зубатову его отредактировать. Этот документ был представлен великому князю Сергею, а впоследствии попал на страницы революционной печати. На сокращенном варианте имеется помета: «Записка была опубликована эсерами в сильно ограниченном виде по окончательно отредактированному тексту». В своем докладе Зубатов обращает внимание на рост социал-демократической пропаганды не только со стороны революционеров, но и приват-доцентов, пропагандировавших социалистические идеи. Успехи социал-демократии Сергей Васильевич видел в том, что она выступает защитником интересов рабочих масс, а пропагандируемые ей идеи понятны рабочим⁴.

Зубатов писал: «История революционного движения показала, что сил одной интеллигенции для борьбы с правительством недостаточно даже в том случае, если они вооружатся взрывчатыми веществами. Памятуя это, все оппозиционные группы, не исключая официально признанных, рукоплещут социал-демократическому движению, в том расчете, что, присоединив рабочих к противоправительственным предприятиям, они получают в свое распоряжение такую массовую силу, с которой правительству придется серьезно считаться»⁵. Он также отмечал, что причина успеха рабочих выступлений кроется в недостаточной попечительности, предусмотрительности и распорядительности со стороны чиновников и ведомств.

Успехи рабочих, достигнутые путем забастовок, имеют крайне опасное и вредное для государства значение и «являются первоначальной школой для политического воспитания рабочих», успех в борьбе приносит рабочему веру в свои силы, учит его приемам борьбы, выдвигает из толпы способных инициаторов, убеждает рабочих в возможности и полезности объединения коллективных действий, сама борьба делает его более восприимчивым к идеям социализма, развивается сознание солидарности, то есть веры в необходимость классовой борьбы и политической агитации⁶.

Выход из сложившейся ситуации Зубатов видел в том, чтобы вырвать благоприятное для революционеров оружие в виде мелких нужд и требований и возложить заботу о рабочих на само правительство, для чего необходимо усовершенствовать деятельность соответствующих органов. «Пока революционер проповедует чистый социализм, с ним можно справиться одними репрессивными мерами, но когда он начинает эксплуатировать в свою пользу мелкие недочеты существующего законного порядка, одних репрессивных мер мало, а надлежит немедленно вырвать из-под ног его самую почву»⁷.

В борьбе с революционерами правительство использует такие средства, как введение принципа законности в сферу фабрично-заводских отношений и насильственное изъятие революционера из рабочей среды. Дух законности во взаимоотношениях фабриканта и рабочего еще не укреплен. В основу фабричного законодательства положены принципы равноправности сторон перед законом и правительством, начало договора, третейское разбирательство и стремление оградить слабых от сильных. Агитатора интересует не сама нужда рабочего, а тот способ, которым он может избавиться от этой нужды. Действуя по принципу «освобождение рабочего должно быть делом самих рабочих», агитатор становится принципиальным противником законности. Для этого нужно расколоть толпу. За агитатором пойдет лишь юная и наиболее энергичная часть толпы, а средний рабочий предпочтет не столь блестящий, но более

---

⁴ Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928.

⁵ ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 6 об.

спокойный, законный путь. Расколотая таким образом толпа потеряет свою силу. Принцип законности требует устранения своеволия и со стороны нанимателя. Но на практике получается, что принцип законности легче применяется к рабочему, а работодатели никак не могут примириться с равноправностью договаривающихся сторон. Часто неправый начальник увольняет рабочих, опираясь на свою формальную юридическую правоту (окончание срока договора и т. п.). Такое поведение пагубно в политическом отношении и толкает рабочего к «кулачному праву». Неспособность правительства улаживать фабрично-заводские недоразумения ведет к тому, что оппозиции предоставляется повод к требованию самоуправления для рабочих, что имеет грозные последствия для существующего порядка. Поэтому с политической точки зрения принцип законности в отношениях между нанимателями и рабочими очень важен. Кроме того, эти отношения подчиняются фабричной инспекции, которая, являясь «полицейским органом специального характера», не решала в полном объеме поставленных задач, что требовало «строгого административно-полицейского надзора».

Обосновывая свою мысль, Зубатов приводит ряд примеров, где показывает, как благодаря охране снимались конфликты на фабриках и нормализовывались отношения между капиталистами и рабочими. Учитывая, что «весь интерес революционеров сосредоточен на фабрично-заводской среде», он считал, что там, где пристраивается революционер, там обязана быть и государственная полиция, которая должна интересоваться тем, чем занят революционер, и следить за порядками фабрично-заводских заведений и вообще за всем, что имеет отношение к личности и обиходу рабочего.

Министерства внутренних дел и юстиции приравнивали рабочие беспорядки к делам политического характера и требовали вести по ним расследование в порядке «Положения о государственной охране». Министерство финансов осталось при «особом мнении», основываясь на «Уставе о промышленности» и возлагая надзор за фабрично-заводскими рабочими на фабричную инспекцию. Исходя из того, что революционеры активно использовали рабочую среду для агитации, с одной стороны, и противоречия в борьбе с ними фабричной инспекции, политической и общей полиции – с другой, Зубатов стремился доказать Департаменту полиции (ДП) необходимость подчинить контролю охраны рабочее движение и в связи с этим разработал своеобразную «философию» революционного движения и мер по борьбе с ним. Он исходил из того, что «борьба – это сама жизнь. Она заставляет людей мыслить, совершенствоваться. Она развивает людей и движет их вперед. Без борьбы не было бы великих открытий и изобретений и человечество не шло бы вперед. Словом, не было бы прогресса. С возникновением рабочего класса возникает рабочее движение – борьба рабочих за улучшение своей жизни. Эта борьба возникла естественно, сама собой как (борьба) вновь народившегося класса, она вытекала из склада самой жизни, и остановить ее нельзя ничем: она неизбежна и неудержима»⁸. С.В. Зубатов рассматривает борьбу как объективное и закономерное явление в жизни человека и общества.

Он выделял три вида борьбы: личную, социальную и национальную. Личная борьба направлена на улучшение материального положения, достижение власти или славы, доказательство или реализацию мысли. И какую бы человек ни преследовал цель, он постоянно встречается с препятствиями в окружающей среде, в интересах и намерениях других лиц и нередко в самом себе, поэтому ему на каждом шагу приходится бороться.

В Российском государстве существуют сословия помещиков, крестьян, капиталистов и рабочих, которые помимо личных имеют и корпоративные интересы. Стремясь их решить, каждое сословие встречается с определенными препятствиями, которые нужно преодолевать. Такая борьба называется социальной.

---

⁸ Там же. Ф. 5931. Оп. 1. Д. 31. Л. 39–44.

Если обратиться к народам различных стран, то можно увидеть, что они состоят главным образом из людей одного языка, религии, характера, представляют нечто целое и стремятся к улучшению своего положения. Они сталкиваются с такими же стремлениями в других странах, что тоже вызывает борьбу, которую Зубатов оценивает как национальную. Однако он не коснулся внутrigосударственной национальной борьбы.

В Российской империи национальные меньшинства или инородцы подвергались русификации и христианизации. Курс великодержавного шовинизма наталкивался на ожесточенную национальную борьбу. Это Сергей Васильевич видел в Северо-Западном крае, где поляки, евреи и литовцы отстаивали свои социальные и национальные интересы. Видимо, начальник Московского охранного отделения умышленно не акцентировал на этом своего внимания, опасаясь отрицательной реакции Департамента полиции.

Далее Зубатов делал экскурс в историю рабочего движения. Он писал, что XIX в. создал «во всех государствах особый социальный или общественный класс – класс рабочих». Когда не было заводов и фабрик, все люди, не имевшие достаточных средств или научных знаний, занимались кустарным производством, ремеслами или шли в работники к другим. Когда благодаря открытиям и изобретениям появились паровые, а затем электрические двигатели и разного рода машины, начавшие вытеснять ручное производство, появились фабрики и заводы, сюда пошло малоимущее население в рабочие. С ростом производства росло число рабочих. На первых порах рабочие из крестьян получали меньший заработок, чем заводские, но они не знали другой жизни, и потребности их были самые простые и несложные, а затем, общаясь между собой и посторонними, присматриваясь, как живут другие люди, они стали развиваться. Их потребности, как материальные, так и духовные, возрастали, что вызвало потребность улучшить свой быт. Это стремление привело к социальной борьбе, известной под названием «рабочее движение»⁹.

Эта борьба возникла сама собой, как борьба вновь народившегося класса. Она вышла из склада самой жизни, и остановить ее нельзя ничем: она неизбежна и неудержима.

Далее Зубатов анализирует формы борьбы. На первых порах это была физическая борьба, когда человек боролся как зверь: силой отбирал у другого то, что хотел приобрести, а тех, кто ему мешал, убивал. Такая «варварская» борьба не только безнравственна, но и непродуктивна. Она ничего не создает и не приводит к желаемым целям. Убийствами и террором нельзя удержать власть. Против тирана состоится заговор, и власть перейдет к другому. Ее отнимут или убьют тирана. Об этом свидетельствовала древняя история. Варварская борьба останавливает всякое развитие, не обеспечивает жизни человека. В каждом другом человек подозревал своего будущего убийцу.

С развитием человека он переходит к борьбе разумной. Он стал стремиться преодолеть препятствия своим умом, знаниями, примером, убеждениями, печатным словом. Он шел медленно, но верно, и результаты этого движения были прочны. Способности, знания, общественный труд способствовали прогрессу.

К варварской, хотя и узаконенной, борьбе относилась война, которая применялась в крайнем случае. Большинство людей и государств отрицают ее необходимость. Гаагская конференция призвана разрешать межгосударственные споры и предотвращать войну.

Борьба классовая (социальная борьба) может быть двоякой: физической, насильственной, создающей переворот – революция, и разумной, естественной, постепенно достигающей своих целей – эволюция.

Для того чтобы рабочий класс выбрал форму борьбы, необходимо установить, в чем заключаются интересы рабочего класса, чего он добивается и к чему стремится.

---

⁹ Овченко Ю.Ф. «Хмурый» полицейский // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 19.

Прежде всего все рабочие хотят, чтобы их пища была сытой и вкусной, одежда – лучше, квартиры – светлее, просторнее и чище, то есть чтобы были удовлетворены их материальные потребности. Отсюда стремление к увеличению заработка, к увеличению доходности труда.

Рабочие стремятся посещать театры, концерты, чтения, судебные заседания, библиотеки, музеи, заниматься туризмом. Это их духовные потребности. Для этого им нужно свободное время (сокращение рабочего дня). Рабочим не нравится, когда на них смотрят как на рабочий скот, и они хотели бы, чтобы в каждом рабочем видели гражданина, равноправного всем остальным членам общества, а весь класс признавался не случайной толпой, а социальным классом, который, подобно другим сословиям государства, имел бы свою организацию, своих выборных представителей, свой орган печати, мог бы обсуждать свои нужды и проводить в жизнь желаемые реформы, чтобы этот класс имел голос и права, как и у других сословий, а их дети получали надлежащее образование, а старики и нетрудоспособные рабочие и семьи умерших были вполне обеспечены¹⁰.

Революционеры учат, что нужно всем объединиться, уничтожить правительство, завладеть землей, отнять у помещиков деньги. На это Зубатов возражал, что без правительства, не боясь никакой ответственности, безнравственный человек будет делать все, что захочется, – насиловать, убивать, и все будут жить в страхе. С другой стороны, будут полный беспорядок и неурядица. Для руководства государством нужны образованные, специально подготовленные люди, способные издавать законы, заниматься образованием, хозяйственными и промышленными вопросами, осуществлять международные связи. Этому у рабочих нет, и, чтобы это приобрести, нужно перестать быть рабочим, а потому управлять государством им никогда не придется, а будут править другие. Таким образом, власть лишь переменится и перейдет от одних лиц к другим, а рабочие останутся ни с чем, о чем свидетельствует опыт западноевропейских рабочих. Об этом свидетельствовали кровавые события революции во Франции, когда своей борьбой рабочие привели к власти буржуазию.

Далее руководитель московской «охранки» разоблачал принцип равного «раздела всех благ». Он ставит вопрос, как сделать так, чтобы все жили в одинаковых квартирах, когда все дома разные: один большой, другой маленький, один богато построен, а другой бедно. Земля тоже в разных местах совершенно различная, и многих предметов просто не хватит. Одному человеку нужно одно, другому – другое. Каждый хочет жить по своему вкусу. Какая же будет свобода, если всех заставить жить по одной мерке? Такой раздел вызвал бы много страданий, а равенства все равно бы не было. Люди более способные, трудолюбивые, ловкие сейчас бы выделились и стали бы быстро богатеть за счет остальных, в результате чего получилось бы только перемещение богатств. Чтобы избежать этого, все должны получать одинаковое вознаграждение (зарплату). Учитывая, что бережливый человек может накопить больше, чем расточительный, и разбогатеть, следовало вообще уничтожить деньги и установить прямой обмен товарами и продуктами. Но на эти вопросы ничего не говорят и революционеры. Учение, проповедующее материальное равенство людей, называется социализмом, а люди, которые учат, что это равенство может быть достигнуто политическим переворотом, называются социалистами-революционерами¹¹.

Эти позиции «вульгарного социализма» выдвигались Зубатовым, скорее всего, в целях скомпрометировать социалистов, которые хотя и имели туманные представления о будущем государства, но понимали разницу между «равенством» и «уравниловкой».

Оставалась только эволюционная борьба. Для этого нужно было определить причину, то есть чем она вызвана, цель, то есть к чему она стремится, силы, средства и программу. Причины борьбы Зубатов усматривал в бесправии рабочих, их незащищенности, а цель – в материальном

---

¹⁰ Овченко Ю.Ф. Философия «полицейского социализма» // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 99.

¹¹ Овченко Ю.Ф. «Хмурый» полицейский... С. 21.

благополучии и гражданских правах. Силы рабочих заключались в объединении и создании союзов: частных – на фабриках и заводах и общих – по ремеслам (профессии). Эта сила зависит не только от количества, но и от качества борцов, то есть от того, насколько они способны к этой борьбе. Способными к борьбе были те рабочие, которые могли ясно понимать свое дело и дружно работать, а главное, чтобы их не могли сбить с толку революционеры.

Для того чтобы рабочие ясно понимали свои цели и не поддавались на революционную агитацию, им необходимо было заняться самообразованием. Широкое образование особенно важно для представителей и выборных от рабочих союзов, так как ими главным образом и ведется все движение. Они должны заботиться о просвещении членов союзов, о поддержке их в нужде, защищать от эксплуатации капиталистов, выяснять необходимость забастовки и добиваться постепенного улучшения быта рабочих и расширения их прав как отдельного сословия. Для того чтобы этого добиться, рабочим нужны средства. Деньги нужны для образования, для обеспечения семейств больных и умерших, для ведения судебных процессов, для помощи во время безработицы, для издания рабочих газет и поддержания забастовок. То, что рабочие союзы будут иметь свои независимые средства, остановит недобросовестных капиталистов от злоупотреблений и уже не даст им произвольно понижать цены на труд, чем они пользуются от безвыходности рабочих.

Для приобретения денежных средств устраиваются кассы, куда рабочие платят взносы. Кроме того, большинство рабочих имеет свои земельные участки. И хотя они маленькие, но если рабочие союзы их объединят, то они станут собственниками и смогут не только давать приют престарелым своим членам, но как крупные землевладельцы приобретут влияние в земстве, в хозяйстве страны и смогут отстаивать свои интересы и проводить желаемые реформы.

Существенным средством борьбы являются союзники. У рабочих их два: общественное мнение и правительство. «Общественное мнение» – это взгляд или внутреннее убеждение большинства образованных людей страны по поводу того или иного явления. Вследствие чего общественное мнение является главным источником законодательства. Законодатель не выдумывает сам прав и обязанностей граждан, а берет их из жизни, сообразно с тем, как понимает эти права и обязанности само общество, то есть сообразуется с общественным мнением. Поэтому закон не бывает вечным. Жизнь идет вперед, изменяя понятия людей. А следовательно, меняется общественное мнение, меняется и закон. Рабочим очень важно, чтобы общественное мнение было на их стороне, а для этого они должны заботиться, чтобы их класс не делал ничего безнравственного, несправедливого и насильственного. Сила правительства еще больше. Оно прислушивается к общественному мнению и учитывает его при принятии законов.

Царь обладает безграничной властью, у него все есть. Единственным личным стремлением царя может быть только слава, которая строится на могуществе государства, которое зависит от умственного и материального богатства народа и порядка в государстве. На этом сосредоточено все внимание правительства. Рабочие вместо стремления улучшить свое положение осуществляют насильственные действия и нарушают порядок, чего не допустит правительство, так как их действия приносят вред всем, в том числе и самим рабочим. Если бы рабочие шли по пути разумного движения, то они бы получили поддержку со стороны правительства, так как цель у правительства и рабочих была бы одна – могущество государства, а деньги на репрессивный аппарат шли бы на народное дело.

Из этого следовал вывод, что рабочим нужно сочувствие общества, нужно учиться, организовываться и объединять свои денежные и земельные средства для поддержки друг друга, чтобы быть сильными и постепенно достигать материальной независимости и равных прав с другими сословиями.

Эту записку с подписью «Группа сознательных рабочих» С.В. Зубатов направил в ДП. Там на первом листе пометили: «Автор – Зубатов, издание – Моск. О.О.». Сама логика изло-

жения, примеры из истории, революционного и рабочего движения свидетельствовали об эрудиции автора. Зубатов стремился показать руководству, что инициаторами нового движения являются рабочие. Многие позиции записки вполне можно считать революционными. Это равенство сословий, равноправие работодателей и рабочих, организация самоуправления, кооперирование земельных участков, признание объективности и закономерности рабочего движения. Программа Зубатова ставила рабочий класс на качественно новый уровень. С такой позицией не хотели мириться капиталисты, стремящиеся правдами и неправдами получать баснословные доходы за счет нещадной эксплуатации рабочих. Их поддерживало и защищало Министерство финансов, которое не хотело выпускать рабочих из своих рук.

В «Записке о задачах русских рабочих союзов и началах их организации» С.В. Зубатов писал: «Полное и наибольшее улучшение быта каждого класса, в том числе и рабочего, возможно лишь в той мере, в какой он занимает твердое место среди существующего строя, становясь одним из органов этого строя». Поэтому рабочий класс нужно превратить в правильное сословие, ибо сословие – это «государственно признанный и регулируемый класс».

При таком превращении из класса в сословие всякий социальный слой получал известные права и обязанности в отношении других сословий и государства. Вместе с тем он получал необходимое сословное самоуправление. Это сословие, по мнению начальника московского охранного отделения, должно состоять из рабочих общин. Цель рабочих союзов состоит в том, чтобы послужить постепенным переходом в эти рабочие общины. Сама рабочая община является одной из ячеек рабочего сословия, как крестьянская или дворянская община. Она не представляет собой узкоэкономическое учреждение, а выражает сословные гражданские требования.

Эти фабрично-заводские общины должны охватывать лиц одного и того же производства данной местности. При возникновении общих задач общины могли объединяться, создавая общие органы управления. Например, в вопросах об образовании рабочие общины вполне солидарны. Поэтому советы нескольких союзов могли бы организовать особые комиссии, состоящие из представителей советов и из специалистов в этой области. Комиссии могли бы организовывать чтения, семинары, выпускать рабочую газету, вести религиозно-образовательные беседы. Общины различных производств могли бы иметь общую библиотеку, кассу взаимопомощи и т. п. В будущем, проектировал Зубатов, для сношений с правительственной администрацией, а также с синдикатами хозяев (если такие есть) могли бы создаваться общие административные комиссии из представителей отдельных общин.

Таким образом, Зубатов рассматривал рабочие союзы значительно шире, чем просто профсоюзные организации. Он писал: «Опасным и ложным первым шагом была бы постановка нашего рабочего вопроса на исключительно экономическую почву и в силу этого построение рабочей организации как исключительного орудия борьбы с капиталистами. Это сразу бы придало бы русскому рабочему делу узкий характер с неизбежной склонностью к социализму».

В деятельности союзов Зубатов усматривал две цели: защиту экономических интересов рабочих и поддержание порядка и законности в отношении рабочих и хозяев.

Для того чтобы рабочие имели поддержку у хозяев, они должны поддерживать экономический порядок. Правительству было бы выгодно, чтобы рабочие сами улаживали различные споры и беспорядки с хозяевами. Положение рабочих упрочилось бы гораздо более, если бы они являлись не только простыми наемниками, но получили бы некоторые «должностные учреждения».

В 1900 г. Зубатов отправил в ДП записку «Профессиональная организация рабочих», где делал экскурс в историю развития рабочего движения и опровергал революционные теории. Он считал, что улучшение участи трудовой массы народа, признанное правительствами всех стран и самими рабочими, является «наиболее передовой идеей, последним словом экономической науки и политически-социальной практики XIX века».

Идея профессиональной организации рабочих поддерживается теми, кто желает счастья народу. Только революционеры и социалисты относятся к ней недоброжелательно. Так же к ней относятся и «явные эксплуататоры народа, не желавшие видеть перед собой никаких границ своей эксплуатации»¹².

Эта неприязнь революционеров и капиталистов, безудержно эксплуатирующих рабочих, вызвана тем, что профессиональное рабочее движение им мешает. И в этом случае эксплуататоры и революционеры сближаются. Зубатов считал, что профессиональное рабочее движение явилось «фактическим опровержением всех химер политического и социального переворота, и показывает ложность идей и действий революционеров, возмущавших мир в течение XVIII и XIX веков».

Зубатов стремится доказать, что профессиональное движение являлось чрезвычайно древним и чуть ли не первым объединением людей. Обращаясь к немецкому экономисту В. Зомбарту, он пишет о потребности человека заключать временные или постоянные союзы. По его мнению, человек – «стадное животное» и погибает вне общения с другими людьми.

В России с древнейших времен существовали общины и артели. Аналогичные объединения были у всех народов сообразно условиям труда в данной стране и в данную эпоху. В XVII и XVIII вв. профессиональные союзы пришли в упадок и перестали приносить достаточную пользу. Причины этого были вызваны состоянием, в какое пришел европейский мир в экономическом, социально-политическом, умственном и религиозном отношениях. Прежние организации были приспособлены к производству мелкому. Постепенно Европа стала переходить к производству крупному. Появились машины. Безземельность или малоземельность крестьян, которая зависела от причин политических, стала гнать в город множество рабочих, и при этом бедняков. Это требовало реформы рабочей организации. В XIX в. вместо идеи реформ выдвинулась идея революции, сначала либеральной, а потом – социальной.

Революция политическая и социальная поставила своей задачей, вместо того чтобы более удобно приспособить основы человеческой жизни к условиям нового времени, совершенно уничтожить эти основы, которые были объявлены старыми, отжившими, и заменить их, то есть перестроить на новый лад все государство и управление им. По мнению первых революционеров, нужно установить самодержавие народа. Г. Бабеф, Р. Оуэн, Ш. Фурье, а затем К. Маркс и Ф. Лассаль присоединили к этому уничтожение частной собственности и создание коммунистического государства. Каждая партия критиковала своих предшественников, доказывая свою правоту.

Была масса политических переворотов, которыми воспользовалась буржуазия. Рабочие, чьими руками осуществлялись перевороты, не получили ничего. На этом фоне коммунисты и социалисты объявили ошибочной идею демократического государства и выдвинули идею социалистического переустройства общества. Впоследствии выдвинулась школа Маркса, основавшая социал-демократию. Маркс объявил ошибочными идеи всех прежних социалистов, назвал их «утопическими». Идеи Маркса стали наиболее распространенными. Рабочие стали под его знамена. Но и идеи Маркса подверглись критике. «Самый выдающийся ум социальной демократии» Бернштейн «разбил все положения» Маркса, и хотя он не объяснял, что такое «социализм», но советовал рабочим то, что они начали делать в своих профессиональных организациях.

С.В. Зубатов пишет, что революции 1789 и 1848 гг. были далеки от того, чтобы оказать содействие рабочему движению. Он приводит закон 1791 г., запретивший все союзы одного сословия или промысла. Это повторилось и в 1849 г. Социалисты рассматривали общины как образец, по которому должно быть перестроено все государство.

---

¹² Там же. С. 23.

Марксисты рассматривали профсоюзы как средство влияния на рабочих. Они видели в профсоюзах и стачках вспомогательные средства для организации и агитации. Целью являлась социальная революция. Социал-демократия согласилась на профсоюзное движение рабочих, рассматривая профсоюзы как школу подготовки рабочих к политической борьбе в целях переворота.

Профсоюзное движение возникло вопреки революционным идеям. В тех странах, где рабочие меньше всего увлекались революционными идеями, а занимались профсоюзами, их положение было более выгодным. Это была Англия с развитым профсоюзным движением. В наиболее плачевном положении была Франция, более всего поддавшаяся революции. Опыт Англии стал использоваться и в других странах. В Германии социал-демократы, хотя и не «искренно», стали подражать тред-юнионам, и «главная умственная сила» их Бернштейн доказывал справедливость практики английских рабочих. Правительства, первоначально относившиеся с недоверием к профсоюзному движению из-за опасения переворотов, стали его поддерживать, учитывая пользу профсоюзов как для себя, так и для рабочих.

В России тоже сложились условия для организации профсоюзного движения. Учитывая опыт Западной Европы при создании профсоюзов в России, Зубатов предлагал обращать внимание на местные условия. Он заключил: «Успешные и полезные действия промысловых союзов повсюду тесно связаны с тем, насколько они действуют сообразно именно своим местным условиям, как в широком национальном смысле, так и в смысле данных, окружающих их условий труда»¹³.

Зубатов считал, что профсоюзы полезны для развития промышленности, для фабрикантов, предпринимателей и заводчиков, когда они научаются приспособлять свои выгоды к выгодам рабочих, для всего хода государственных дел, для народного образования и нравственности, для повышения благосостояния рабочего класса. Далее Сергей Васильевич приводит результаты профсоюзного движения в различных странах на основании исследований С. Вебба, В. Зомбарта и Кулемана. В своих трудах эти авторы показывают рост благосостояния рабочих.

Руководитель московской «охранки» обращается к истории промысловых союзов в России и показывает, что издавна на промыслах существовали артели, которые «рядились артелью», то есть составляли «коллективный договор». Крупная промышленность в России лет на сто отставала от европейской, и при создании профсоюзов рабочие вполне могут использовать опыт Запада. Это позволит им избежать многих ошибок, допущенных рабочими Запада.

Зубатов выделил три особенности российских условий, которые надо было учитывать при организации промысловых союзов: правительственных, социальных народных и образовательно-просветительных.

Рассматривая первую особенность, Зубатов пишет: «Россия, благодаря Богу, дожила до времени новой усложненной промышленности, не утратив единой верховной власти царя своего, который не принадлежит ни к какому сословию, ни к какому классу и ни к какой партии, обнимая своим любвеобильным отеческим попечением весь свой народ и имея единственным желанием видеть повсюду благоденствие, обеспеченность благосостояния и прав всех и каждого из своих верных подданных»¹⁴. Зубатов считает, что монархия – «великое благо» для народа и на ней должны основываться надежды рабочих. Вместе с тем он подчеркивает, что «правительство и монарх – не одно и то же».

Социальную особенность в положении рабочих составляет их тесная связь с крестьянством. Значительная часть рабочих принадлежит, по мнению Зубатова, скорее деревне, нежели городу, и фабрично-заводская работа для них является подспорьем, отхожим промыслом. Дру-

---

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 15.

гая часть коренных фабрично-заводских рабочих сохранила в деревне право на землю и участие в общинных делах, имеет там родственников, что также ставит их близко к крестьянам. И только незначительная часть рабочих находится в положении западноевропейских пролетариев.

Трудовые условия на предприятиях определялись общими для Европы и России законами крупного производства, поэтому вопросы организации российских профсоюзов будут строиться по аналогии с западноевропейскими. Меры социального обеспечения рабочего России при болезни, нетрудоспособности, воспитании детей и т. п. могут складываться более практично, чем в Западной Европе, и с гораздо лучшими последствиями.

Зубатов планировал, что профсоюзы будут устраивать в деревне приюты для отдыха и заботы о больных, стариках и детях. Он считал, что жизнь в фабрично-заводских центрах хороша только для заработка и только до тех пор, пока человек вполне крепок и здоров, а как только силы начинают изменять, этот труд быстро убивает человека, и устроить нормальную жизнь в городской тесноте и зараженности возможно только при огромных издержках.

В деревне эти проблемы решаются проще. И Зубатов предлагал рабочим не отрываться от деревни, а использовать ее. Это могло принести пользу не только рабочим, но и крестьянам. Деревня давала бы рабочим возможность отдохнуть, а рабочие способствовали бы улучшению деревенского быта. В деревне Зубатов усматривал и один из источников дохода рабочих. Наличие независимых денежных средств у рабочих союзов должно «остановить недобросовестных капиталистов от многих злоупотреблений и уже не даст им возможности произвольно понижать цены на труд». Эти средства можно было получить от касс взаимопомощи, в которые рабочие отчисляли бы известный процент заработка. На эту сторону «полицейского социализма» указывают все исследователи, но из их поля зрения выпало то, что Зубатов усматривал источник дохода рабочих в их земельных участках.

«Пусть себе, – писал Зубатов, – эти участки маленькие, но все же они есть, и если рабочие союзы явятся уже собственниками и не только будут в состоянии давать приют престарелым своим членам, но как крупные землевладельцы уже легко будут отстаивать свои интересы и проводить желательные реформы». Помимо этого, связь рабочих с сельскими собратьями поможет им лучше сохранить нравственность. В свою очередь, присутствие в деревне городского рабочего – более образованного и развитого – было бы очень полезно для улучшения деревенского быта. Таким образом, считал Зубатов, в интересах рабочих поддерживать тесные связи с деревней, как это делали в свое время дворяне, которые служили в городе, но крепко держались за свои поместья и, пока действовали подобным образом, были самым процветающим сословием в России. Для рабочего и завод – такая же «служба», которая выгоднее тогда, когда имеется какая-нибудь опора на родной деревенской почве¹⁵.

Третья особенность – образовательно-просветительная – имела неблагоприятное состояние. Постановка профсоюзов требовала от рабочих «здорового смысла» и подготовленных руководителей. Зубатов считал, что в России интеллигенция хуже, чем в европейских странах, и требует большей осторожности в использовании ее услуг. Русский образованный строй в течение 200 лет привык к тому, чтобы учиться у Запада. Он очень мало самостоятельно разрабатывал науку и склонен подражать всему, что делает Европа.

Профессиональное рабочее движение – дело практическое, в котором важнее всего принимать самостоятельные решения, учитывать свои особенности. Поэтому в России, считал Зубатов, трудно рассчитывать на хороших и полезных руководителей из интеллигенции, которые, как правило, занимаются революционной пропагандой или либеральной деятельностью. Именно поэтому необходимо развить «умственную самостоятельность» рабочих и избирать руководителей из собственной среды. Это сделать весьма трудно из-за необразованности рабо-

---

¹⁵ Там же. С. 25.

чих. Но «из двух зол лучше хоть малообразованный, да свой брат, человек своей, рабочей среды, с которой связан и происхождением, и трудом, и интересами». А заботу об образовании необходимо взять на себя промысловым союзам, которые помимо правительства должны заботиться об открытии школ, подборе преподавателей и литературы. Развивать образование следует для того, чтобы постепенно возникла народная интеллигенция, которая по своему уровню не уступала бы в образовании высшим классам, но тесно была бы связана с рабочей средой.

Зубатов обращал внимание на нравственную сторону воспитания рабочих. Он считал, что для этого необходимы теснейшие контакты с церковью. Нужно было заботиться не только о светском образовании, но и о духовном воспитании рабочих. Для этого он предлагал ввести в практику работы союзов молитвы, церковные обряды, участие в церковной службе и т. п. На многих старых заводах были свои святые покровители, иконы которых были приобретены на средства самих рабочих. Этим святым посвящались праздники, которые необходимо всячески развивать. Рабочим следовало бы вникать в интересы православной церкви, разбираться в ее местных и мировых задачах. Помимо всего, необходимо было «вводить чистоту быта в их среду», преследовать пороки, окружать уважением семейную жизнь, создавать приличные и интересные формы общения в виде праздников, вечеров и т. п. «Очень было бы полезно», считал Зубатов, создать рабочим свой внутренний третейский суд для решения спорных вопросов. Воспитывать у них добросовестность и справедливость в отношении хозяев, уважение к праву своему и чужому. Безнравственные способы борьбы за свои интересы должны быть недопустимы с самого начала существования союзов. Включив эти требования в свою программу, рабочие приобрели бы поддержку со стороны церковной иерархии и церковной интеллигенции.

В другом месте Зубатов прямо указывал на необходимость рабочим искать поддержку у своих союзников в борьбе за существование. Такими союзниками являлись для рабочих «общественное мнение» и правительство. «Общественное мнение» формировало отношение к людям и явлениям и учитывалось при создании законов и норм морали. Поэтому для рабочих важно, чтобы общественное мнение было на их стороне, а для этого они должны заботиться, чтобы их класс не делал бы ничего безнравственного, несправедливого и насильственного.

Сила правительства еще больше, чем «общественное мнение». Правительство учитывает «общественное мнение» при издании законов и формирует взаимоотношения в самом обществе. Именно таким образом, считал Зубатов, используя поддержку правительства, духовенства и общества, рабочие при доброжелательном поведении могли бы достичь в своей борьбе желаемых результатов.

Идеи Зубатова были неприемлемы ни консерваторам в правительстве, ни буржуазии, ни революционерам. В намерениях начальника московской «охранки» консерваторы усматривали посягательство на «незыблемость самодержавия», так как создание профсоюзов расширяло самоуправление рабочих и вело их к независимости.

Капиталисты считали, что правительство хочет удержать существующий строй, опираясь на рабочих, и восстанавливает их против фабрикантов и заводчиков, пытаясь предотвратить политическое движение, забывая о том, что движение против капиталистов есть также движение политическое¹⁶.

Буржуазия поняла, что решение рабочего вопроса в зубатовском духе означало для нее частичную потерю своего влияния на рабочих и давления на самодержавие. Дворянство, вытесняемое ею в борьбе за свои права, могло бы иметь временного союзника в лице рабочих, что несколько укрепило бы его позицию. Однако классовые разногласия, социальный и политический статус не позволяли идти на сближение. Программа Зубатова с теорией «надклассового»

---

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5931. Оп. 1. Д. 31. Л. 42 об.

самодержавия хотя и ослабляла растущее влияние буржуазии и превращение ее в господствующий класс, но не снимала, а скорее обостряла социальные противоречия.

На Зубатова обрушилась московская и питерская буржуазия во главе с Министерством финансов. Министр финансов С.Ю. Витте не хотел упускать из рук такое мощное орудие борьбы с самодержавием, как рабочий класс.

Против «зубатовщины» выступали революционеры. Оценивая отношение революционеров к рабочим, С.В. Зубатов писал: «Цель рабочих – выиграть забастовку и тем самым сделать шаг к улучшению своего положения; цель революционеров – воспользоваться этим случаем для возбуждения рабочих против правительства»¹⁷. Преследуя свои политические цели, капиталисты и революционеры пытались в своих интересах использовать рабочее движение. Нередко капиталисты субсидировали политические партии, что делало их союзниками.

Выдвинутая Зубатовым система решения «рабочего вопроса» перераспределила бы расстановку классовых сил в стране, что усилило бы давление на самодержавие, вынуждая его от «попечительной» политики идти к широким политическим реформам и ограничению самодержавия.

---

¹⁷ Овченко Ю.Ф. Философия «полицейского социализма». С. 96–104.

А.И. Логинов

«Стокгольмская охота» на Николая II: социалисты-революционеры против империи

Убедительным аргументом эффективности деятельности специальных служб является предотвращение ими прямых террористических актов. Это ценилось во все времена. Именно подобные действия вызывают общественное одобрение деятельности спецслужб. Об одном из таких успехов по предотвращению террористического акта в отношении первого лица государства Департаментом полиции МВД Российской империи и наш рассказ, в котором речь пойдёт о предотвращении убийства Николая II во время его визита в 1909 г. в Стокгольм.

Император Николай II на протяжении многих лет являлся желанной целью боевых групп партии социалистов-революционеров (эсеров). Это была высшая цель, так как именно император осуществлял всю полноту власти в стране. На протяжении многих лет эсерами был накоплен успешный опыт проведения террористических актов по ликвидации крупнейших царских сановников (убийства министра внутренних дел Д.С. Сипягина в 1902 г., уфимского губернатора Н.М. Богдановича в 1903 г., министра внутренних дел В.К. фон Плеве в 1904 г., великого князя Сергея Александровича и московского градоначальника П.П. Шувалова в 1905 г., санкт-петербургского градоначальника В.Ф. фон дер Лауница в 1906 г. и многие другие резонансные преступления). Известны факты о готовившихся эсерами в 1906 и 1907 гг. покушениях на Николая II в Санкт-Петербурге и в Финляндии.

О визите Николая II в Стокгольм в июне 1909 г. было объявлено заранее. Он стал данью вежливости в ответ на приезд шведского короля в Россию, в Царское Село, на свадьбу принца Вильгельма и великой княжны Марии Павловны. Ко времени ответного визита кузина русского царя уже три года была замужем за принцем Вильгельмом – вторым сыном Густава V. Таким образом, представителем дома Романовых реализовывалась династическая дипломатия, самым прямым образом влиявшая на судьбу Российской империи.

Визит Николая II проходил в условиях, когда Швеция политически тяготела к Германии, а шведские правые подстегивали русофобские настроения в стране. Надо заметить, что войны России и Швеции не способствовали особо теплым отношениям этих стран. Так, в 1809 г. закончилась Русско-шведская война, по результатам которой Финляндия отошла России. Поэтому визит русского правителя в Стокгольм, приуроченный к 100-летию этой даты, не мог радовать националистические круги Швеции.

Непосредственную подготовку к обеспечению безопасности визита императора в Стокгольм Департамент полиции начал в мае 1909 г. Офицеры Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) осуществляли постоянное взаимодействие со шведской полицией. Также была задействована секретная агентура, находившаяся непосредственно в Стокгольме.

Необходимо отметить, что Департамент полиции имел в Швеции хорошо отлаженную агентурную сеть, которой руководил старший консул И. Березников. Эта сеть успешно зарекомендовала себя во время событий 1904–1907 гг., когда обеспечивала безопасность движения русской эскадры в Японию, добывала сведения о тайных складах оружия на территории России, отслеживала перемещения политически неблагонадежных лиц и т. д.

Надо заметить, что Швеция была одним из надёжных мест приюта русских политэмигрантов. Так, например, лидер социал-демократов В.И. Ульянов (Ленин) шесть раз приезжал в Стокгольм и благополучно уезжал из него.

Согласно агентурным сведениям Департамента полиции от 25 мая 1909 г., в Стокгольме проживало около 70 русских политических эмигрантов, присвоивших себе наименование «Группа русских политэмигрантов в Стокгольме». В состав группы входили представители

трёх основных политических течений левого толка – социал-демократы, социалисты-революционеры и анархисты.

Группа социал-демократов насчитывала около 40 человек, но точный состав её не был в полной мере известен. Лидером являлся некто Попов.

Численность группы эсеров составляла около 20 человек. Их лидером являлся студент Васильев (партийная кличка «Володя»). Изначально эта группа была организационно слаба, и для её усиления и централизации в январе 1909 г. из Санкт-Петербурга был командирован Васильев. Группа поддерживала постоянную связь с ЦК партии в Париже.

Наконец, наименьшей по численности была группа анархо-коммунистов под руководством Х. Бергерена, в которую входило 6 человек. Она была условно организована и по степени управления значительно уступала двум первым группам, что соответствовало идеологии анархизма.

Объединенная группа русских политэмигрантов пользовалась поддержкой местной социалистической партии. Особое содействие ей оказывали редактор газеты шведских социалистов «Brand» («Костёр») Х. Бергерен и редактор газеты шведских младосоциалистов «Stormnebecki» («Набатный колокол») Я. Густафсон, которые предоставляли помещения своих редакций для проведения встреч и заседаний. К Бергерену также стекались пожертвования для русских политэмигрантов. По данным агентуры утверждалось, что именно Бергерен координировал явочные квартиры и занимался многими организационными вопросами обеспечения функционирования русских политических эмигрантов в столице Швеции.

Русские политэмигранты еженедельно проводили сходки в Большом Стокгольмском народном доме. Ими были организованы курсы изучения шведского языка, которые проводились два раза в неделю. Также членами революционных кружков издавался рукописный печатный орган «Русский эмигрант». Именно его издание стало главным направлением деятельности русских политэмигрантов зимой и весной 1909 г. Участниками революционных кружков было собрано 400 крон для закупки в Варшаве русского шрифта для типографии.

Наибольшее внимание жандармов было приковано именно к деятельности группы эсеров. Как известно, партия социалистов-революционеров широко использовала в своей деятельности такие средства политической борьбы, как террор против высших чиновников Российской империи. Поэтому царская «охранка» вела целенаправленную работу в среде социалистов-революционеров, используя широкий арсенал агентурных и оперативно-технических средств. Одним из важных и наиболее эффективных направлений противодействия замыслам эсеров стало внедрение в их группы секретных агентов. Не стала исключением и группа политэмигрантов в Стокгольме, в которую также был внедрен секретный агент.

Надо заметить, что представители российского революционного движения жили не только в Стокгольме. Политические кружки существовали также в Мальмё, Гетеборге и Кальмаре. На основании агентурных данных чины Департамента полиции прогнозировали дополнительное увеличение числа политических эмигрантов в Швеции, в том числе и из-за репрессивных мер в отношении их правительств Дании и Швейцарии. Так, только в марте 1909 г. из Копенгагена в Мальме переехало сразу 9 революционеров.

Благодаря деятельности секретного агента «Петрова», проживавшего в Стокгольме по документам на имя Э.А. Орнета, Финляндское жандармское управление знало имена не только основных участников революционного движения из числа социалистов-революционеров, находившихся в стокгольмской эмиграции, но и точные адреса их проживания, было в курсе их основных действий.

Эдвард Август Орнет

Получаемая от секретного агента информация и ориентировки на лиц передавались в Финляндское жандармское управление. Там в соответствии с утвержденной формой отмечалась сущность агентурной информации, какие были приняты меры, а также содержалась другая информация, выявленная в ходе оперативной разработки. Всё это объединялось в единое дело. Начальник Финляндского жандармского управления в донесениях всячески сохранял персональные данные секретного агента.

Можно ли утверждать, что партия социалистов-революционеров готовила покушение на Николая II на протяжении длительного времени? Несомненно, да. И группа, занимавшаяся подготовкой покушения, не была связана с ее боевым крылом. Разоблачение Е.Ф. Азефа и процесс над бывшим директором Департамента полиции А.А. Лопухиным серьёзно подорвали авторитет боевого крыла эсеров и внесли подозрительность в ряды революционеров.

Но сама партия не отказалась от террора как средства политической борьбы. Скорее всего, решение о покушении на Николая II в Стокгольме было принято после получения информации о визите императора в шведское королевство. Этот план на фоне разоблачений Азефа и процесса над Лопухиным был дерзким и неожиданным. Открытым остается вопрос о том, откуда эсеры узнали о дате приезда Николая II в Стокгольм – из открытых источников или у них был какой-то особый источник информации.

Непосредственная подготовка к организации возможного покушения на русского царя началась в апреле 1909 г. Вне всякого сомнения, она велась втайне от других членов кружка социалистов-революционеров в Стокгольме. По всей видимости, агент «Петров» не входил в число особо доверенных лиц.

Стокгольмская группа постоянно контактировала с Лондоном через Теплова и Ф. Волховского, с Брюсселем – через М. Дерешовича, с Женевой и Берном – через В. Шидловского и Тамма, с Парижем – через Нахимовича и Е. Рубановича.

В Стокгольм к местным социалистам-революционерам в конце апреля 1909 г. из Женевы приехал некто «Сержант». По оперативной информации секретного агента, он был учителем в Лифляндской губернии, латышом по национальности.

В течение мая 1909 г. из Финляндии приехала некто «Дара», еврейка по национальности, и «Вера», русская. Из Норвегии приехал поляк С.Х. Зельцерович, уроженец Старой Руссы. Из Бельгии прибыл профессиональный революционер Шукнов, «интеллигент 27–30 лет», который остановился у В. Васильева.

Таким образом, к началу июня в Стокгольме сформировалась группа, которая начала непосредственную подготовку к организации покушения на Николая II. На факт приезда активных революционеров «Петров» обратил особое внимание, о чём своевременно доложил по инстанции.

Также в поле зрения «Петрова» попали приезжие Меншер-Тобелис из Митава, П. Бредис из Курляндской губернии, Б.К. Жук из Виленской губернии, Н. Саксен и Е. Ванда. По всем этим лицам началась оперативная разработка и проверка. Была установлена дополнительная информация по латышу К. Сержанту, крестьянину Иллуккского уезда, участнику беспорядков 1905 г., который был привлечен к уголовной ответственности за грабеж казенных винных лавок в октябре 1908 г. Но из-под стражи сбежал. По всей видимости, в планируемом покушении Сержанту отводилась одна из ключевых ролей.

По ориентировке «Петрова» Департамент полиции организовал в Або оперативное наблюдение за евреем З. Заксом, занимавшимся отправкой эсеров через территорию Финляндии в скандинавские страны. Задачей этого наблюдения было выявление лиц, переправлявшихся через границу во взаимодействии с движением социалистов.

Ситуация в Стокгольме стала предметом особого контроля со стороны вице-директора Департамента полиции С.Е. Виссарионова, которому Финляндское жандармское управление регулярно отправляло секретные сообщения. В начале июня 1909 г. в одном из них было с тревогой отмечено, что «в настоящее время в Стокгольме дела партии возрастают всё больше и больше».

Живой интерес и бурные дискуссии в среде политэмигрантов вызывали ситуации, связанные с деятельностью боевого крыла партии эсеров и разоблачением Е.Ф. Азефа. Обсуждение вопроса по делу Азефа в конце апреля 1909 г. было отложено членами группы социалистов-революционеров, так как на собрании не присутствовали все члены группы. Это важная психологическая характеристика участников группы, на что хотелось бы обратить особое внимание. Возможно, что перенесение вопроса обсуждения деятельности Евно Азефа было связано и с другими причинами, которые учитывались студентом «Володей» в целях конспирации.

23 мая состоялось заседание группы эсеров, на котором обсуждалось то, как надо реагировать на суд над А.А. Лопухиным. Было решено, что необходимо оказать ему «помощь из всех сил». Под этим, видимо, понималась помощь морального плана. На этом заседании также было принято решение об издании газеты «Русский эмигрант». Редакторами издания были избраны Шукнов и Васильев. Наборщиком стал представитель социал-демократов эстонiec Конгур.

Вновь повторим, что секретный агент «Петров», находясь непосредственно в центре группы эсеров, по всей видимости, не входил в число лидеров группы и не был посвящён во многие дела. Вне всякого сомнения, его деятельность носила вспомогательный характер. Впрочем, такое положение секретного агента соответствовало инструкциям Департамента полиции.

На основании полученной от секретного агента информации, в Санкт-Петербурге поразному оценивали возможности организации покушения на первое лицо государства. Ещё в

начале июня 1909 г. в Отдельном корпусе жандармов доминировало мнение, что покушение вряд ли возможно и больше следует опасаться демонстраций социалистов на улицах. Тем не менее 13 июня исполняющим должность директора Департамента полиции Н.П. Зуевым было принято письменное предписание нанести превентивный удар по заговорщикам, арестовав при содействии шведской полиции активных членов группы эсеров в Стокгольме.

17 июня 1909 г. на основании просьбы уполномоченного представителя ОЖК в Стокгольме шведская полиция задержала К. Сержанта, С. Зельцеровича, а также А. Киршбаума и Е. Ванду, которые проживали вместе на одной квартире. По договоренности со шведской полицией все они должны были быть выпущены «после отбытия Его Величества Государя Императора из Швеции».

25 июня по заговорщикам был нанесён ещё один удар – были задержаны П. Прусс, Б. Жук, М. Тобелис, Г. Херанс. Также для прикрытия секретного агента был арестован и он сам – Э.А. Орнет. Но главным организаторам покушения – Васильеву и Шукнову – удалось скрыться от шведской полиции, что свидетельствует о высоком профессионализме руководителей эсеров. Тем не менее вечером 25 июня Санкт-Петербург был уведомлен в том, что «по имеющимся сведениям вряд ли есть основания предположить, что могла быть произведена какая-либо попытка покушения». При этом допускалась возможность проведения манифестации со свистками со стороны шведских младосоциалистов. Н.П. Зуев доложил товарищу министра внутренних дел П.Г. Курлову о готовности к безопасному обеспечению визита.

Обращаем внимание на то, что уже 26 июня в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась заметка об аресте русских революционеров в Стокгольме: «Стокгольмская полиция давно уже установила за ними правильное наблюдение». Нет сомнений в том, что подобное сообщение появилось с подачи руководства Департамента полиции, не сомневавшегося в предотвращении возможности теракта и пытавшего обратить внимание первых лиц государства на свои успехи.

Николаю II в Швеции был обеспечен радушный приём. 26 июня императорская яхта «Штандарт» приплыла в целях безопасности не в Стокгольм, а в королевский дворец Тулларн, что неподалеку от столицы. На борту яхты прибыла вся императорская семья. На якоре близ дворца «Штандарт» пробыл два дня.

Гром грянул ночью 27 июня. Во время пребывания императора в королевском дворце рабочим Х. Вонгом в Королевском саду был убит начальник 59-го призывного корпуса, командующий береговой артиллерией шведский генерал-майор О.Л. Бекман.

Согласно шведским источникам, через десять минут после полуночи 27 июня, одетый в парадную форму, генерал пошёл через Кунгстрадгорден – Королевский сад. Там его и подкараулил Х. Вонг и выстрелил ему в спину. По другой версии, Вонг якобы прятался в большом дереве и стрелял оттуда. Офицеру П. Дальгрёну, который шел за Бекманом, удалось бежать. Оказавшийся рядом фельдшер Левандер был также сражен пулей, но выжил. Сразу после выстрелов в Бекмана Вонг дважды выстрелил себе в голову и к утру скончался.

Он был похоронен в общей могиле на Северном кладбище. 11 июля 1909 г. группа молодых социалистов провела демонстрацию у могилы в поддержку дела Вонга. Демонстрация сопровождалась призывами к свершению революции и закончилась разгоном её со стороны шведской полиции, а также арестом лидеров демонстрации.

Николай II со своей супругой в Швеции 26 июня 1909 г.

Несмотря на неприятный инцидент, Николай II не прервал свой визит в Швецию. С 30 июня по 5 июля император в Стокгольме несколько раз встречался с Густавом V в радужной обстановке. Тем самым руководители двух стран подчеркивали, что между Швецией и Россией не существует политических разногласий, а только взаимное доверие.

Сразу же после убийства Бекмана шведская полиция провела массовые аресты в среде младосоциалистов среди студентов Упсальского и Мальборгского университетов. Это стало беспрецедентным действием для шведского общества.

Шведские газеты разразились единодушным заголовком «Редкий случай политического убийства в Швеции». В газеты просочилась информация, что «видную роль в организации убийства играл некий студент Владимир и именующий себя Проссом», которые сумели заблаговременно сбежать. Газеты также писали о том, что «здешняя революционная колония ежемесячно получала 150 крон от какой-то организации в России».

Аналитики Департамента полиции сразу предположили прямую связь убийства генерала Бекмана с организацией покушения на Николая II, что подтверждали весенние донесения агента «Петрова». Будь на месте Бекмана Николай II – он также мог бы быть убит.

В Департаменте полиции была создана следственная группа, которая в тот же день убыла в Стокгольм для проведения внутреннего расследования. Представляется, что, оценив ситуацию, руководство ДП умышленно попыталось разделить связь между подготовкой покушения на Николая II и убийством генерала Бекмана. Очевидно, что восприятие лидерами страны того, что шведский генерал был убит ошибочно и что на его месте мог быть император Николай II, могло означать для конкретных жандармских чинов не только конец карьеры.

Шведский король Густав V

Уже 28 июня 1909 г. заграничной агентуре Департамента полиции за подписью С.Е. Виссарионова ушёл циркуляр о розыске всех лиц, замеченных в подготовке покушения в Стокгольме. При этом в самом циркуляре об этом не говорилось – никто не собирався подливать масла в огонь информацией о подготовке покушения на Николая II.

5 июля 1909 г. директор Департамента полиции Н.П. Зуев сообщал директору департамента МИД Российской империи А.К. Бентковскому об усилении надзора за всеми деятелями революционного движения за границей.

1 июля 1909 г. в «Городском вестнике» Самары появилась заметка «Анархисты в Стокгольме». В ней сообщалось: «отец Вонга показал, что сын его принадлежал к «Союзу молодых социалистов». Со слов отца объяснялось, что сын совершил убийство генерала Бекмана по антимилитаристским убеждениям.

В российские газеты из Швеции стала поступать информация о том, что убийца Вонг был антимилитаристом, уклонявшимся от военной службы и разочаровавшимся в жизни. Писалось, что в феврале 1909 г. Вонг встречался с Бекманом по поводу отсрочки от армии, но получил отказ. Таким образом, в российской прессе создавалось мнение, что убийство Бекмана никак не связано с визитом Николая II в Стокгольм.

Но в материалах расследования появилась информация и о том, что в записной книжке Вонга, изъятой шведской полицией, была запись: «Преданный моими товарищами и лишенный возможности убить царя, я делаю это». При этом также выяснилось, что Х. Вонг длительное время проживал на одной квартире вместе с П. Пруссом, одним из активных организаторов покушения, накануне заблаговременно задержанным стокгольмской полицией.

Следственной группой было установлено, что за две недели до визита Николая II стокгольмский дворец был открыт для публики и его неоднократно посещали члены стокгольмской группы эсеров. Был сделан правильный вывод о том, что организаторы покушения досконально изучали местность и планировку, а также отрабатывали взаимодействие. Печальный опыт убийства генерала Бекмана был в дальнейшем учтён Департаментом полиции при организации обеспечения безопасности охраняемых государственных персон.

Пауль Прусс

7 июля 1909 г. в адрес Н.П. Зуева поступило официальное письмо от 2-го департамента МИД Российской империи, где в жёсткой форме было высказано, что дипломатическая миссия могла бы быть предупреждена о готовившемся покушении для принятия дополнительных мер.

Видный деятель политического сыска действительный статский советник А. М. Гартинг (Геккельман) 15 июля 1909 г. официально телеграфировал в Санкт-Петербург из Стокгольма о том, что «убийство шведского генерала Бекмана, по-видимому, является актом протеста мест-

ных младосоциалистов, вызванным неудовольствием приёмом здесь государя». Это и стало окончательной официальной версией. Тем самым Гартинг «прикрыл» своим расследованием руководителей, занимавшихся обеспечением безопасности Николая II в ходе его визита в Стокгольм.

Что же касается арестованных шведской полицией организаторов покушения из числа социалистов-революционеров, то в июле 1909 г. все задержанные в июне эсеры были высланы из Швеции.

О том, что российским спецслужбам удалось избежать серьёзного скандала, свидетельствует письмо руководителя русской резидентуры в Стокгольме старшего консула И. Березникова в адрес руководства ОКЖ, в котором просил отдельно поощрить секретного сотрудника «Петрова», а также всю секретную агентуру, работавшую на территории Швеции. Полковник Л.К. Утгоф в октябре 1909 г. был произведён за отличие в генералы.

Таким образом, анализируя драматические события в Стокгольме в мае-июне 1909 г., мы можем наблюдать преемственность многих форм и методов работы специальных служб по предотвращению террористических актов и ведению оперативно-агентурной деятельности в террористической среде.

Карл Утгоф

Обратим внимание на то, что в период между двумя русскими революциями начала XX в. внимание царской «охранки» концентрировалось в большей степени на деятельности партии эсеров, в особенности её боевого крыла. При этом социал-демократическое и анархическое направления революционного движения также сохранялись в поле плотного внимания. Возможность контроля ситуации обеспечивалась секретными агентами Департамента полиции.

События в Стокгольме необходимо трактовать неоднозначно. С одной стороны, операция по предотвращению «стокгольмской охоты» на первое лицо Российской империи заслуживает высшей оценки – работа секретного агента и оперативных сотрудников, правильная оценка ситуации и взаимодействие со шведской полицией оказались блестящими и принесли положительные результаты. С другой стороны, очевидна явная недооценка возможностей эсеров и организационная недоработка тактического характера, что фактически выразилось в возможном резонансном провале российских спецслужб и серьёзном политическом скандале, случись покушение на Николая II. Трагедия шведского младосоциалиста Х. Вонга заключалась в том, что он просто перепутал Бекмана с Николаем II.

Справедливости ради следует отметить, что политическая полиция всё-таки была сильно скована в своей деятельности за границей. У всех был на памяти грандиозный скандал, который поднялся в печатных изданиях разных стран Европы в 1904 г. в связи со вскрытием фактов разведывательной деятельности заграничной агентуры Департамента полиции в Ватикане. Эта малоизвестная страница в истории дореволюционных отечественных спецслужб. Краткая суть её заключается в том, что сразу два секретных агента с 1901 г. вошли в окружение кардинала Ледовского, координировавшего и направлявшего вплоть до своей смерти антироссийскую деятельность Ватикана в странах Европы и на территории Российской империи.

Отто Людвиг Бекман

Шпионский скандал в Ватикане был настолько серьёзен, что сопровождался жёсткими разговорами на самом высоком международном дипломатическом уровне. Он также привёл к тому, что руководитель Римской резидентуры чиновник особых поручений И.Ф. Манасевич-Мануйлов был вынужден оставить в Ватикане должность представителя Российской империи по духовным делам. В ходе этого скандала были вскрыты факты вербовки Мануйловым высокопоставленного сотрудника французского разведывательного бюро, что ещё больше накалило ситуацию. Это привело к тому, что по заграничной агентуре в Риме был нанесён жёсткий ответный удар, и на несколько лет заморозило активную работу русской разведки в Италии. Безусловно, что при выборе вариантов действий в Стокгольме руководители политической полиции учитывали печальный римский опыт 1904 г.

Необходимо высоко оценить деятельность эсеров по организации и подготовке покушения. Бросается в глаза не только профессионализм, заключавшийся в том числе и в знании методов конспирации, но и высокий уровень идейной подготовки участников покушения. Надо отдать должное и Х. Вонгу. Оказавшись в результате арестов своих товарищей в информационном вакууме и считая, что его соратники испугались, шведский социалист взял инициативу в свои руки и совершил покушение, как ему показалось, на Николая II. Увидев ошибку, чтобы не попасть в руки полиции и под следствие, Вонг застрелился, унеся с собой многие загадки этого дела. Конечно, далеко не факт, что Вонгу дали бы совершить выстрелы охранники императора, окажись на месте Бекмана Николай II. Но Х. Вонг на ударную позицию-то вышел. А что могло бы быть, если бы в покушении участвовало не менее 10 революционеров, как это и предполагалось планом?

Хьялмар Вонг

Уникальность «стокгольмской охоты» эсеров за Николаем II заключается и в том, что эта операция проводилась на фоне очевидного кризиса и дискредитации деятельности боевого крыла эсеров из-за разоблачения Азефа и «процесса Лопухина». Эта операция была явно неожиданной для Департамента полиции, полагавшего, что обезглавленное боевое крыло партии не сможет функционировать. Если бы не агентурная сеть и не аналитические способности конкретного агента «Петрова», неизвестно, чем бы всё закончилось. Вне всякого сомнения, убийство Бекмана и всё, что ему предшествовало, значительно отрезвило руководителей спецслужб и послужило для них уроком.

Что касается деятельности секретной агентуры в Стокгольме, то она и в последующие годы продолжила профессиональное исполнение возложенных на неё задач. При этом секретные агенты ДП выполняли не только функции политического сыска, но и задания по ведению военной, экономической и политической разведки.

Яркой страницей истории российских спецслужб дореволюционного периода в скандинавских странах является обеспечение безопасности во время проведения Олимпийских игр 1912 г. в Стокгольме, где среди российских участников Олимпиады были сотрудники Отдельного корпуса жандармов. Но это уже другая история.

Л.С. Яковлев

Организация и деятельность отечественной контрразведки в Первой мировой войне (1914–1917 гг.)

XX век в истории человечества «отметился» двумя мировыми войнами. Со дня окончания Первой мировой войны минуло уже более 100 лет, но научный интерес в исследовании многих событий, связанных с нею, по-прежнему достаточно велик.

Европейские государства к Первой мировой войне готовились задолго. На это, в частности, были направлены их политические и дипломатические усилия и ухищрения, в результате которых в Европе появились две противоборствующие группировки: в конце XIX в. – Тройственный союз, а в начале XX в. – Антанта.

В Тройственный союз вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия, при доминировании в этом союзе первых двух государств. Антанта («сердечное согласие») была создана в качестве противовеса Тройственному союзу, и её участниками стали Великобритания, Франция и Россия. Противостояние Антанты и Тройственного союза и привело к Первой мировой войне, начавшейся 28 июля 1914 г. Как показали дальнейшие события, успех в этой войне решался не только на полях военных сражений, но и в других сферах общественно-политического противоборства, таких как экономика, дипломатия, национальная политика, разведка, контрразведка и т. п.

Под воздействием обстановки, складывавшейся на фронтах, и в результате дипломатических усилий противоборствующих сторон в ходе войны в составе указанных выше военно-политических блоков произошли существенные изменения. В 1915 г. Италия вышла из Тройственного союза и вступила в войну на стороне его противников, став четвертым членом Антанты, после чего за этой группировкой закрепилось неофициальное название – Четверное согласие. Изменился состав и Тройственного союза – к нему присоединилась Турция и Болгария, и после выхода из него Италии он получил наименование Четверного союза, а по другой интерпретации – блок Центральных держав.

Войны XX столетия при всей их трагичности, особенно относительно людских потерь, одновременно являлись и серьезным испытанием жизнеспособности как в целом для каждого, участвовавшего в войне, народа и их государств, так и для отдельных их общественных и политических институтов. Жизнеспособность таких институтов, их слабые и сильные стороны в условиях сверхэкстремальной военной обстановки проявлялись очень рельефно.

В данном очерке автор рассматривает проблему, связанную с противоборством российской контрразведки и разведок Четверного союза в условиях Первой мировой войны. Целью данного очерка является анализ: состояния и развития организации контрразведывательной службы на различных театрах военных действий (ТВД), в тылу и за границей; основных видов подрывной деятельности разведок противника; форм противодействия им со стороны российской контрразведки, а также анализ основных правовых актов, которые регламентировали организацию и деятельность российской контрразведки в военное время.

Организация российской контрразведки на сухопутном ТВД

Начало войны показало неподготовленность царской России к ведению военных действий как в экономическом, так и в военном отношениях. Не была достаточно готова к войне и русская контрразведка. Правда, справедливости ради надо признать, что отдельные организационно-мобилизационные меры относительно усиления контрразведки в случае начала войны армейским командованием все же предусматривались. С 1912 г. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) начинает разрабатывать мобилизационные планы для окружных контрраз-

ведывательных отделений (КРО) на случай военных действий. На базе контрразведывательных отделений припограничных военных округов с началом войны по этим планам должно было формироваться 3–4 контрразведывательных органа. Так, из КРО Киевского военного округа создавалось три отделения: первое – для штаба 3-й армии, второе – для военно-окружного управления в Киеве и третье – для штаба Проскуровской группы. Такие же планы были разработаны в Варшавском, Виленском, Одесском и других военных округах. Но этих мер, как оказалось, было явно недостаточно для того, чтобы русская контрразведка могла успешно действовать в случае войны¹⁸.

С объявлением войны на основании принятого в 1914 г. «Положения о полевом управлении войск в военное время»¹⁹ был создан высший орган управления вооруженными силами на театре военных действий – Ставка Верховного главнокомандующего (ВГК). ГУГШ осталось в составе Военного министерства и становилось тыловым органом²⁰. КРО военных округов, которые не находились на театре военных действий (их было большинство), остались в подчинении ГУГШ. Таким образом, вне театра военных действий по-прежнему продолжала существовать прежняя система военной контрразведки, организация и деятельность которой регулировались «Положением о контрразведывательных отделениях» 1911 г.

Организация военной контрразведки в действующей армии с началом войны была существенно затруднена. Одна из главных причин этого заключалась в отсутствии какого-либо специального нормативного акта, который бы определял порядок образования и деятельности контрразведывательных органов в армии в военное время. «Положение о полевом управлении войск в военное время» не могло претендовать на роль такого нормативного акта. В нем был сформулирован лишь общий принцип, что за организацию борьбы с неприятельскими шпионами ответственность несут штабы войсковых соединений и объединений и их генерал-квартирмейстерские службы²¹. «Положение о контрразведывательных отделениях» 1911 г. также этой проблемы не решало, так как в нем не рассматривался вопрос об организации контрразведки в войсках в условиях войны. Правда, некоторые общие принципы контрразведывательной деятельности, закрепленные в «Положении», вполне могли бы быть использованы в борьбе со шпионами и на театре военных действий. Но многие КРО, сформированные с началом объявления мобилизации или после нее, даже не имели никакого представления о существовании «Положения о контрразведывательных отделениях»²².

В этот период армейское командование вынуждено было в ряде случаев разрабатывать свои собственные инструкции по борьбе с иностранными разведками на театре военных действий. Это приводило, в свою очередь, к разобщенности и несогласованности действий органов контрразведки, русское военное командование непросто долго мирилось с таким положением, и только в июне 1915 г. было принято, наконец, «Наставление по контрразведке в военное время»²³.

«Наставление» было утверждено Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем 6 июня 1915 г. При составлении «Наставления» широко использовались предыдущие нормативные акты, регулировавшие вопросы контрразведывательной деятельности. Так, в «Наставление» вошли и были развиты многие положения таких нормативных актов, как «Положение о полевом управлении войск в военное время» 1914 г., «Положение о контрразведывательных отделениях» 1911 г., а также приказы и инструкции военного ведом-

¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2113. Оп. 6. Д. 11. Л. 5.

¹⁹ Положение о полевом управлении войск в военное время. Петроград, 1914.

²⁰ Кавтарадзе А. Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1971. № 12. С. 75–80.

²¹ Положение о полевом управлении в военное время. Петроград, 1914. Ст. 13, 117, 422, 434, 492, 641.

²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 2–3.

²³ Там же. Ф. 2067. Оп. 6. Д. 48.

ства. С точки зрения юридической техники «Наставление» было значительно более совершенно, чем «Положение о контрразведывательных отделениях», и состояло уже из разделов, глав и статей. Первый раздел являлся как бы общей частью «Наставления». По объему оно в 5 раз превосходило «Положение о контрразведывательных отделениях».

Великий князь Николай Николаевич

Общая цель военной контрразведки по «Наставлению» заключалась «в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации в кратчайший срок, как в районе, занятом нашими войсками и их ближайшем тылу, так и вообще на всей территории государства, всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения военного характера, дабы воспрепятствовать этим организациям и агентам действовать нам во вред».

Для достижения этой цели необходимо было решать следующие задачи: защищать войска, штабы, управления и заведения, обслуживающие армию, от проникновения в них агентов противника; выявлять лиц, распространяющих ложные слухи, особенно с целью распространения паники среди населения; разоблачать лиц, стремящихся создавать затруднения по укомплектованию войск, по подвозу боевых припасов, продовольствия и т. п.; не допускать возможных выводов из строя мостов, железных дорог и прочих сооружений; заблаговременно обнаруживать подготавливающиеся забастовки на заводах и фабриках, изготавливающих необходимые для армии и флота предметы и материалы; выявлять устроенные для передачи сведений неприятелю станции искрового телеграфа, телефоны, голубиные станции и т. п.

Отдельно в п. 6 «Наставления» была подчеркнута обязанность контрразведки поддерживать тесные связи и оказывать помощь командованию армии в выполнении войсками их боевых задач.

Более обобщенно, чем в «Положении о контрразведывательных отделениях» 1911 г., в «Наставлении» определены основные объекты контрразведывательной деятельности. В ст. 32 говорилось: «Контрразведка должна стремиться к выяснению организации разведки про-

тивника, центров, откуда высылаются его агенты, и тех направлений, по которым наиболее вероятно главное движение этих агентов в нашу сторону».

Общие указания по контрразведке, дополняющие или развивающие «Наставление», а равно и высшее руководство контрразведкой исходило в военное время на театре военных действий от штаба Верховного главнокомандующего по управлению генерал-квартирмейстера. На местах за организацию, руководство и расходование денежных средств и контрразведку отвечали соответствующие генерал-квартирмейстеры по общим указаниям начальников штабов, а где не было генерал-квартирмейстера, то непосредственно сами начальники штабов. Установление разграничительной линии по территории деятельности отдельных КРО, а также возможные передачи дел о разрабатываемых шпионах из одного органа контрразведки в другой решались начальником штаба фронта «по согласованию с главным начальником снабжений армий фронта».

Кроме того, «Наставление» возлагало ответственность за контрразведку на каждого военного начальника.

Достижение общей цели и задач контрразведки согласно «Наставлению» обеспечивала следующая система контрразведывательных отделений штабов фронтов; армий, входящих в состав фронтов; отдельных армий неместного характера; отдельных армий местного характера; военных округов на театре военных действий; внутренних военных округов вне ТВД и КРО ГУГШ.

Анализ системы органов военной контрразведки на ТВД приводит к выводу, что «Наставление» не предусматривало никакого центрального органа контрразведки, который бы обобщал, анализировал и координировал деятельность всех контрразведывательных органов на ТВД. Хотя КРО ГУГШ согласно ст. 4 «Наставления по контрразведке в военное время» и «... являлось в отношении контрразведки высшим регистрационным и отчетным учреждением для театра военных действий и всего государства», но практически оно было лишено возможности непосредственно осуществлять координирующую деятельность между контрразведывательными отделениями на ТВД, так как находилось в ведении не штаба Верховного главнокомандующего Главного управления, а Генерального штаба и являлось структурным элементом контрразведки вне театра военных действий.

Даже отдельные контрразведывательные действия КРО ГУГШ могло осуществлять на театре военных действий только по согласованию со штабом Верховного главнокомандующего.

Контрразведывательные отделения штабов фронтов, отдельных армий неместного характера, отдельных армий местного характера и военных округов вне ТВД обязаны были направлять в КРО ГУГШ регистрационные документы на заподозренных в шпионаже лиц. Таким образом, КРО ГУГШ являлось высшим учреждением лишь по вопросам справочного характера, и это нашло затем свое подтверждение и в изменившемся названии этого органа, который с 9 августа 1915 г. стал именоваться Центральным военно-регистрационным бюро (ЦВРБ)²⁴.

Такое положение, когда при штабе ВГК не было создано центрального органа контрразведки, который занимался бы обобщением и анализом контрразведывательной деятельности на ТВД, не устраивало военные власти. Этот недостаток был устранен принятием 14 января 1916 г. «Положения о контрразведывательном отделении при штабе Верховного главнокомандующего»²⁵, согласно которому было образовано КРО Ставки. Личный состав контрразведывательного отделения при штабе Верховного главнокомандующего был отобран из бывшей охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту. «Положение» было утверждено начальником штаба Верховного главнокомандующего. Ближайшей задачей отделения являлось осуществление контрразведки в районе Ставки. По отношению к театру военных

---

²⁴ Справочник о материалах контрразведывательных органов царской России. М.: ГАУ МВД СССР, 1946. С. 17.

²⁵ Там же. С. 22–23.

действий на это КРО была возложена обязанность по ведению общей регистрации сведений о неприятельских агентах. Роль ЦВРБ в связи с этим несколько упала²⁶. Анализ архивных материалов показывает, что с созданием КРО Ставки проблема организации тесного взаимодействия между различными органами контрразведки во время войны в полной мере не была решена. Более того, с образованием этого органа углубилась межведомственная разобщенность между штабом ВГК и ГУГШ в деле учета и регистрации информации о шпионской деятельности иностранных разведок.

Основу всей системы контрразведки на сухопутном театре военных действий составляли местные органы контрразведки: КРО фронтов, армий, отдельных армий и военных округов. Кроме того, в некоторых случаях распоряжением штабов фронтов, армий, отдельных армий и военных округов на ТВД в крупных населенных пунктах, находящихся на театре военных действий, могли учреждаться особые контрразведывательные органы. Впоследствии на практике эти органы стали называться отдельными контрразведывательными пунктами (КРП). В эти пункты высылались старшие агенты или чины для поручений и в помощь им несколько младших агентов. В важнейших случаях для руководства такими пунктами могли быть командированы даже помощники начальников КРО.

По ходатайству командиров корпусов и начальников отдельных отрядов в их штабы КРО выделяли для ведения контрразведки одного или нескольких агентов. Они поступали в подчинение офицеров, ведавших разведкой, но оставались в ведении командировавших их начальников КРО. В дальнейшем в ходе войны принятие таких мер привело к созданию корпусных контрразведывательных пунктов. Так, штаб Северного фронта 17 мая 1916 г. отдал распоряжение для КРО армии о выделении в каждый корпус одного старшего агента, опытного в деле контрразведки, желательно чиновника, и не менее трех младших агентов²⁷.

Для постановки контрразведки в корпусах штабы фронтов и армий разрабатывали специальные инструкции. В них указывали цели, задачи, организацию, компетенцию и другие вопросы, связанные с деятельностью контрразведывательных органов²⁸.

Определенная работа по борьбе с иностранными разведками проводилась также в дивизиях и полках. Ответственность за контрразведку в этих соединениях и частях несли их командиры, а непосредственными исполнителями, как правило, выступали дивизионные и полковые коменданты²⁹.

В районах крепостей за контрразведку отвечали коменданты и начальники штабов крепостей. Общие указания для них по контрразведке поступали от соответствующих штабов фронтов или отдельных армий.

Для выявления шпионов в поездах железных дорог, на пароходах, на тыловых армейских и корпусных путях передвижения войск действовали посты подвижных наблюдательных агентов, подчинявшиеся начальникам местных КРО.

Все контрразведывательные отделения на ТВД, за исключением КРО военных округов, формировались и состояли при разведывательных отделениях отделов или управлений генерал-квартирмейстерской службы. Начальники КРО подчинялись соответствующим начальникам разведывательных отделений. Следует отметить, что «Наставление» 1915 г. по сравнению с «Положением о контрразведывательных отделениях» значительно усилило подчиненность КРО разведывательным отделениям штабов армий и фронтов. Это усиление проявилось по всем линиям деятельности КРО и преследовало цель улучшить контакт и взаимодействие разведывательных органов с военной контрразведкой по борьбе с иностранными разведками. КРО

---

²⁶ РГВИА Ф. 1956. Оп. 7. Д. 2. Л. 188–189.

²⁷ Там же. Ф. 2192. Оп. 7. Д. 1. Л. 253–253 об.

²⁸ Там же. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 48. Л. 2–8.

²⁹ Там же. Ф. 2192. Оп. 7. Д. 1. Л. 11–15.

военных округов на театре военных действий состояли при военно-цензурных отделениях штабов округов. Соответственно начальники КРО военных округов на ТВД подчинялись непосредственно и. д. старшего адъютанта военно-цензурного отделения.

Организация контрразведки вне театра военных действий строилась на основании действующего Положения о контрразведывательных отделениях 1911 г. с теми изменениями, которые были вызваны установлением порядка регистрации, предусмотренного «Наставлением» 1915 г.

Совершенствование и развитие во время войны системы и структуры военной контрразведки сделало необходимым более четко решать и вопросы взаимодействия между различными государственными органами в борьбе с подрывной деятельностью противника. В органах военной контрразведки ответственными за взаимодействие выступали начальники КРО. «Наставление» предоставило им более широкие права по взаимодействию с другими учреждениями и ведомствами в предупреждении и пресечении различных государственных преступлений.

Рассмотрев основные положения «Наставления по контрразведке в военное время», можно сделать вывод, что после июня 1915 г. действовало два основных нормативных акта, регулировавших борьбу с иностранными разведками. Деятельность контрразведывательных органов военных округов вне ТВД регулировалась «Положением о контрразведывательных отделениях» 1911 г. Оно определяло структуру и частично компетенцию контрразведки ГУГШ. Цели, задачи, права и обязанности, порядок взаимодействия контрразведывательных органов на театре военных действий между собой и с другими органами, их штаты и структура регламентировались «Наставлением по контрразведке в военное время», утвержденным 6 июня 1915 г. Поэтому структура всей военной контрразведки России в это время строилась на основании этих двух нормативных актов.

«Наставление по контрразведке в военное время», предоставив штабам фронтов и отдельных армий право организовывать по усмотрению последних контрразведывательные органы в корпусах и наиболее важных населенных пунктах, способствовало тем самым созданию в ходе войны довольно гибкой и разветвленной системы военной контрразведки. Русская контрразведка в этот период с успехом разоблачала не только действия отдельных шпионов и шпионских групп, но даже была осведомлена о составе самих разведывательных органов австро-германских войск, о чем свидетельствуют списки личного состава этих органов, имевшиеся в Генеральном штабе России³⁰.

К недостаткам «Наставления» следует отнести подчинение КРО военных округов на ТВД военно-цензурным отделениям штабов этих округов. Задачи военной цензуры в деле борьбы со шпионажем более узкие, чем у контрразведки, и не понятно, как последняя могла оказаться в подчинении органов военной цензуры. «Наставление» продолжало сохранять КРО на положении негласных органов. Поэтому контрразведка по-прежнему была не популярна в стране и лишена поддержки со стороны общественности в борьбе с иностранным шпионажем. Это приводило к тому, что иногда сотрудников и агентов контрразведки, обращавшихся от имени КРО к военным властям за помощью, арестовывали и избивали как подозрительных элементов³¹.

Отрицательно в отдельных случаях сказывалось на работе военной контрразведки засилье в ней чинов отдельного корпуса жандармов. Некоторые из них, несмотря на постоянные разъяснения Генерального штаба не отвлекаться на ведение политического сыска и направлять все силы на борьбу с иностранным шпионажем, при получении сведений на революционеров «забывали» про контрразведку и сосредоточивались на разработке последних, практически становясь органом политического сыска.

---

³⁰ Там же. Ф. 2189. Оп. 8. Д. 3. Л. 2–4.

³¹ Там же. Ф. 2106. Оп. 8. Д. 83. Л. 324.

Несмотря на отмеченные выше недостатки организационного характера и отсутствие должного внимания к контрразведке со стороны верховной власти, отечественная контрразведка тем не менее достигла определенных результатов в своей работе. Так, помимо разоблачения многих вражеских разведчиков и агентов, действовавших на ТВД, она достаточно успешно проводила работу по проникновению в разведывательные бюро Германии и Австро-Венгрии. Благодаря такой работе отечественная контрразведка выявляла личный состав разведывательных бюро, имена их руководителей, местонахождение разведывательных школ, адреса конспиративных квартир, способы подготовки агентов, методы вербовки, фамилии агентов и их особые приметы и т. д. В 1914–1916 гг. военная контрразведка выявила и нейтрализовала более 90 агентов спецслужб кайзеровской Германии, активно работавших в России, в том числе и в высших эшелонах государственной власти³².

Организация военно-морской контрразведки

Органы контрразведки ГУГШ накануне войны и в самом ее начале обслуживали в ходе своей работы как интересы военного, так и морского ведомств.

Морской Генеральный штаб (МГШ) в России как высший орган оперативного руководства флотом был создан «по высочайшему повелению» лишь в апреле 1906 г. Согласно штатному расписанию в его составе учреждалось иностранное отделение, основные задачи которого заключались в сборе необходимой информации о строительстве, планах использования морских сил потенциальных противников России, а также руководство деятельностью военно-морских агентов (атташе) в Швеции, Германии, Италии.

Уже на начальном этапе войны значительно возрос интерес неприятельских разведок к военному морскому флоту России, и встал вопрос о выделении морской контрразведки в отдельную организацию³³.

Одним из поводов к принятию такого решения послужили данные, полученные от агента Департамента полиции «Шарля», который был подставлен немцам. В апреле 1915 г. агент получил от немцев задание взорвать один из лучших русских боевых кораблей – линкор «Императрица Мария». Кроме того, немецкой разведкой ему было поручено сформировать группы агентов и направить их в Архангельск и на Мурман. Эти агенты должны были «возможно, больше мешать правильному сообщению пароходов, курсирующих между Архангельском, Англией и Америкой». Кроме того, агентам-диверсантам вменялось в обязанность «устраивать пожары на территории порта и по возможности портить прибывающие туда пароходы, не останавливаясь и перед взрывом таковых». На Мурмане агентам следовало «всячески препятствовать» постройке Мурманской железной дороги. В этих целях немецкая разведка рекомендовала своим агентам «устраивать забастовки рабочих и, в крайнем случае, портить механические материалы»³⁴.

В сентябре 1915 г. морской министр адмирал И.К. Григорович в своем письме к военному министру генералу А.А. Поливанову, являвшемуся одновременно и председателем Особого совещания по обороне, сообщал, что с 1912 г. немцы и австрийцы стали проявлять усиленную активность в изучении военно-морского потенциала России, а с началом войны противник сумел «глубоко проникнуть во все области военно-морского дела». Адмирал отмечал, что контрразведка военного ведомства, перегруженная своей основной работой, не уделяет должного внимания флоту, и предлагал выделить морскую контрразведку в самостоятельную структуру. Одновременно с письмом направлялся выработанный МГШ проект «Положения о мор-

---

³² Там же. Ф. 1468. Оп. 2 доп. Д. 726. Л. 7–7 об.

³³ С началом войны некоторые вопросы по контрразведке решались особым делопроизводством Морского Генерального штаба.

³⁴ Борисов А.Н. Особый отдел империи. История Заграничной агентуры российских спецслужб. СПб.; М., 2001. С. 472.

ских контрразведывательных отделениях». Григорович предлагал Поливанову высказать свои замечания, но это, пожалуй, была лишь бюрократическая формальность. Морской флот принял твердое решение о создании собственной контрразведки. В проекте Положения задача морских КРО определялась как: «Борьба с военно-морским шпионством и вообще воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам морской обороны империи».

В конце сентября 1915 г. «Положение о морских контрразведывательных отделениях» было принято. В соответствии с ним учреждались следующие органы: КРО Морского Генерального штаба, Финляндское, Балтийское, Черноморское, Беломорское и Тихоокеанское морские КРО.

Это «Положение» лишь в общих чертах определяло цели, задачи и районы деятельности морских КРО. В развитие его были приняты для отдельных районов специальные нормативные акты по вопросам контрразведки.

Одним из первых руководителей контрразведывательного отделения при Морском Генеральном штабе был капитан 2-го ранга М.И. Дунин-Барковский. В возглавляемое им отделение входили три делопроизводителя: капитан 2-го ранга А.А. Нищенков, старший лейтенант В.А. Виноградов и лейтенант Н.Н. Гойнингген-Гюне³⁵.

Наиболее активно морское командование взялось за создание контрразведки Черноморского флота. Уже 14 октября 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.Н. Алексеев утвердил «Положение о разведывательном и контрразведывательном отделениях штаба Черноморского флота в военное время»³⁶.

---

³⁵ Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб.: Питер, 2006. С. 187, 188.

³⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 202–203 об.

Морской министр адмирал И. К. Григорович

Руководителем обоих органов назначался третий помощник флаг-капитана флота, при этом оговаривалось, что он должен быть «основательно знакомый на практике с разведкой и контрразведкой». В 1915–1917 гг. эту должность занимал капитан 2-го ранга А.А. Нищенков, а начальником контрразведывательного отделения был назначен ротмистр А.П. Автономов, откомандированный из Севастопольского жандармского управления.

В августе 1916 г. положение о КРО штаба Черноморского флота было заменено «Положением о разведывательной части штаба командующего Черноморским флотом в военное время». В этом «Положении» по сравнению с предыдущим больше внимания уделялось вопросам регулирования разведывательной деятельности³⁷.

Создается система органов морской контрразведки на северном театре военных действий. В данном регионе в 1917 г. контрразведку осуществляли: Особый морской Мурманский контрразведывательный пункт штаба Кольского района обороны; Особый Кемский морской контрразведывательный пункт; Беломорское контрразведывательное отделение; контрразведывательное отделение штаба флотилии Северного Ледовитого океана и другие контрразведывательные структуры.

---

³⁷ Там же. Л. 230(а)–233(б).

Что же касается контрразведки Морского Генштаба, то укомплектовать и организовать ее работу оказалось сложнее. К середине 1916 г. в Морском Генеральном штабе по примеру ГУГШ было создано Центральное Морское регистрационное бюро. Руководство Регистрационной службы, на которую возлагались функции контрразведки и разведки, приоритетным считало разведывательное направление. В связи с этим особое внимание уделялось укреплению аппаратов военно-морских агентов (атташе), прежде всего в Скандинавии. Туда направлялась большая часть денег из секретных сумм и наиболее опытные кадры, если таковые находились, ибо кадровая проблема являлась наиболее острой в деле создания морской контрразведки.

Гибель новейшего линкора «Императрица Мария» в октябре 1916 г., что с наибольшей вероятностью расценивалось как диверсия германских агентов, несомненно заставила руководство МГШ задуматься о принятии наиболее энергичных мер в сфере морской контрразведки. Начальник Морской Регистрационной службы МГШ капитан 2-го ранга В.А. Виноградов предпринял необходимые меры по активизации работы военно-морских агентов по линии внешней контрразведки, а в начале 1917 г. инициировал созыв представительного совещания, на котором обсуждался один вопрос – «О формировании морской контрразведки». В совещании приняли участие, помимо самого Виноградова, руководитель разведывательного делопроизводства ГУГШ полковник М.Ф. Раевский, начальник Центрального военно-регистрационного бюро ГУГШ полковник В.Г. Туркестанов, заместитель Виноградова подполковник А.И. Левицкий, начальник КРО штаба Петроградского военного округа полковник В.И. Якубов и глава Петроградского морского КРО полковник И.С. Николаев. Поскольку на флоте не было специалистов, знакомых с особенностями контрразведки, то 12 февраля 1917 г. по итогам работы совещания издали приказ по Отдельному корпусу жандармов, который определял порядок службы его офицеров в морской контрразведке. Но осуществить эту работу по обеспечению контрразведывательных объектов флота профессиональными кадрами из числа жандармских офицеров не удалось из-за Февральской революции.

Создание во время войны двух относительно самостоятельных структур контрразведки (сухопутной и морской) делало актуальным вопрос об их взаимодействии. В органах военной контрразведки ответственными за взаимодействие выступали начальники КРО. «Наставление» 1915 г. предоставило им более широкие, чем это было предусмотрено «Положением» 1911 г., права по взаимодействию с другими учреждениями и ведомствами в осуществлении поставленных задач.

Использование и совершенствование российской контрразведкой форм и методов контрразведывательной деятельности

В условиях военного времени в связи с резким изменением политической и военной обстановки меняются задачи и направления подрывной деятельности разведок противника. Это, в свою очередь, незамедлительно отразилось на методах и формах деятельности отечественной военной контрразведки.

С началом Первой мировой войны посольства и консульства стран, оказавшихся в состоянии войны с Россией, были интернированы. Шпионская деятельность разведок противника под прикрытием его официальных представительств в России стала невозможной. Были ликвидированы также десятки иностранных промышленных и торговых фирм, под прикрытием которых ранее осуществлялась шпионская деятельность. Теперь ставка разведок в проведении шпионажа делается на агентуру из числа некоторых граждан России, в том числе и военных, лиц без гражданства, иностранцев, являвшихся гражданами союзных и нейтральных по отношению к России государств.

Изменения в тактике подрывной деятельности противника не застали врасплох русскую контрразведку. Так, в начале марта 1915 г. агентура КРО Одесского военного округа обра-

тила внимание на итальянского подданного Г. Шварца, прибывшего из Румынии для скупки сельскохозяйственного сырья. За ним было установлено тщательное наблюдение. Менее чем за месяц он побывал в Одессе, Киеве, Бендерах, Тирасполе, Кишиневе и других местах. Наблюдая за Шварцем, контрразведка выявила 9 подозрительных его связей. Ему дали возможность до конца совершить свое турне и арестовали его только на ст. Унгены при выезде за границу. При обыске у него была изъята инструкция для военных разведчиков на немецком языке, 28 листов почтовой чистой бумаги, записная книжка и т. п. На листах почтовой бумаги после смачивания их водой появился немецкий текст в виде водянистых знаков. Текст содержал подробный отчет о проделанной военной разведке по маршруту передвижения Шварца. Он сознался, что был послан на разведку в Россию немцем Вернером, проживающим в Бухаресте.

В том, что разведка Германии в подборе своей агентуры во время войны делала ставку, в частности, на итальянских подданных, была определенная логика. Италия, как отмечалось выше, хотя и являлась изначально одним из членов Тройственного союза, но после подписания 26 апреля 1915 г. в Лондоне секретного соглашения со странами Антанты она в мае того же года официально объявила о вступлении в войну на стороне Антанты против Германии и Австро-Венгрии. В этой связи, как полагала немецкая разведка, раз Италия стала союзницей стран Антанты, то агентура, приобретаемая из числа итальянских подданных, не должна была бы вызывать особых подозрений у русской контрразведки, но, как видно, со своим агентом Шварцем они явно просчитались, и он попал в разработку контрразведчиков КРО Одесского военного округа.

Разведки государств Четверного союза, стремясь оказать максимальную помощь армиям своих стран в ходе военных действий против России, активнее стали использовать формы борьбы по непосредственному подрыву военно-экономического потенциала и мощи русской армии (диверсии, вредительства, террор). Однако основную опасность со стороны иностранных разведок продолжал составлять военный шпионаж. В ходе войны возросло требование своевременности получения разведывательной информации об армии противника. В связи с этим немецкая и австрийская разведки стали прибегать к засылке через линию фронта значительного числа своих разведчиков и агентов, которым ставилась конкретная задача по добычанию военной информации о русской армии в прифронтовой полосе и быстрой передаче этих сведений заказчику.

Борьба с этой категорией шпионов имела свои особенности. Противник применял таких агентов в большом количестве, массово. Подготовка шпионов осуществлялась в специальных разведывательных школах, в которые вербовались местные жители захваченных территорий и военнопленные русской армии. Курс обучения в этих школах длился около двух недель. Затем шпионы переходили линию фронта с задачей узнать расположение артиллерии, пехоты, кавалерии, собрать сведения о путях сообщений, оборонительных сооружениях, местах расположения штабов и т. п. На выполнение задания давалось 7–10 дней. О деятельности одной из неприятельских разведывательных школ, находившейся в г. Луцке, рассказали, например, 4 шпиона, задержанных сотрудниками контрразведки³⁸.

Осуществляя борьбу с массовой агентурой противника, русская контрразведка выбрала верный путь – выявлять агентов еще при обучении их в данных школах. Это достигалось благодаря агентурной работе за линией фронта, а также сбору данных о деятельности разведывательных школ через пойманных уже шпионов противника. В контрразведывательной деятельности за линией фронта большое участие принимали агенты-резиденты контрразведывательных отделений. Они оставались на оседание в районах, занимаемых противником (такая тактика использования агентов-резидентов применялась русскими еще в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг.) и иногда приобретались непосредственно в самом тылу неприятеля.

---

³⁸ Там же. Д. 804. Л. 71, 73.

Проникновение русской контрразведки в разведывательные органы и шпионские школы нередко осуществлялось через агентов-двойников. Отношение к использованию агентов-двойников в контрразведке было противоречивое, так как часто неизвестно было, на кого двойник работает больше – на неприятеля или на русских. Например, контрразведчики штаба 7-го армейского корпуса считали, что для улучшения агентурной разведки надо использовать как можно больше «хороших двойных агентов, работающих для нас и для противника». А главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта в апреле 1916 г. отдал распоряжение, запрещавшее пользоваться услугами «двойных агентов». Практика деятельности русской контрразведки показывает, что так или иначе, но агенты-двойники в ходе войны использовались довольно широко.

Ценную информацию о деятельности разведок противника по подготовке и засылке шпионов в тыл русской армии добывали агенты-ходоки, которые посылались на выполнение заданий в тыл к противнику. Так, агент № 29 КРО штаба 8-й армии по возвращении с выполнения задания сообщил: «Австрийские офицеры из органов военной разведки подбирают подростков от 12 до 18 лет, обучают их и направляют к русским через линию фронта для разведки»³⁹.

В результате принятия вышеуказанных мер русская контрразведка довольно хорошо знала расположение разведывательных органов и шпионских школ противника, их руководителей и личный состав, работавший или обучавшийся в этих шпионских подразделениях. В середине 1915 г. русская контрразведка располагала именными списками на 23 разведывательных органа австро-германских войск⁴⁰.

Информация, получаемая от агентов-резидентов и особенно от двойников, тщательно перепроверялась. Одним из распространенных способов перепроверки имеющейся информации, а также получения новых сведений являлся опрос или допрос уже задержанных агентов противника, военнопленных, перебежчиков и изучение захваченных документов. В результате производимого опроса или допроса задержанных контрразведка получала установочные данные на других шпионов, которые уже действовали в тылу русских или только готовились перейти фронт для осуществления подрывной деятельности. Так, в начале 1917 г. КРО 3-й армии из показаний задержанного получило данные на трех мальчиков в возрасте от 14–15 лет, засланных немцами для производства разведки в тылу данной армии⁴¹.

Следующими логическими действиями контрразведки после получения сведений о приметах шпионов являлся их розыск. Совсем не случайно розыск как форма деятельности военной контрразведки занимал во время войны значительное место в борьбе с иностранными разведками. И очень часто мероприятия контрразведки, проводимые по розыску, заканчивались успешно. Например, в ноябре 1915 г. по сведениям агента «Харитоник», состоявшего на учете в контрразведывательном пункте 5-го армейского корпуса, был задержан торговец папиросами крестьянин С. Войцеховский. Агент опознал Войцеховского по приметам, данным штабом 2-й армии в телеграмме о его розыске, как неприятельского шпиона.

Наиболее опасной и распространенной после шпионажа формой преступной деятельности иностранных разведок была диверсия. Иностранные агенты, имевшие задания совершать диверсии и разоблаченные русской контрразведкой, показали на допросах, что наиболее часто объектами их диверсии должны были быть железные дороги, мосты, линии проводной связи и т. п. Один из немецких диверсантов, завербованный из числа русских пленных и добровольно явившийся в русскую контрразведку, заявил, что немцами высылаются в тыл к русским группы по 25 и более человек для организации поджогов и разрушений⁴².

---

³⁹ Там же. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 30. Л. 87, 88.

⁴⁰ Там же. Ф. 2189. Оп. 8. Д. 3. Л. 2–4.

⁴¹ Там же. Ф. 3515. Оп. 7. Д. 9. Л. 91–91 об.

⁴² Одна такая группа в составе 49 человек, направленная немцами для совершения диверсий, сдалась без боя сторожевому охранению 2-й армии. Все они были латыши, солдаты русской армии, попавшие ранее в плен к немцам. См.: РГВИА. Ф.

Русской контрразведке приходилось заниматься и борьбой с террористическими актами иностранных разведок, направленными против высших военных чинов. Немецкая разведка неоднократно готовила покушения на Верховного главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича. Германская разведка оказала ему честь, назначив 10 000 ф. ст. золотом тому, кто решится убить его. Первым попытался выполнить эту задачу самонадеянный конспиратор, назвавший себя графом Бопер-Жирар. Его постигла неудача. Тогда за дело взялся уголовный преступник В.К. Сметана. Офицерам контрразведки ГУГШ легко удалось предотвратить эти попытки. Граф исчез, а Сметана был публично казнен 17 мая 1915 г.⁴³

М.Д. Бонч-Бруевич

Агенты русской контрразведки несколько раз докладывали, например, что немцы настойчиво охотятся также за генералом М.Д. Бонч-Бруевичем с целью расправиться с ним за его активную деятельность по борьбе с немецким шпионажем⁴⁴.

2183 с. Оп. 8 с. Д. 4. Л. 21–22.

⁴³ Роуан Р. Шпионы, контрразведчики и угроза шпионажа / пер. с англ. М., 1936. С. 136; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 595. Л. 138.

⁴⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1958. С. 82–83.

Много сил и энергии русская контрразведка тратила и на борьбу с различного рода вредительской деятельностью иностранных разведок. Борясь с утечкой секретной информации, проводила через агентуру различные превентивные мероприятия, направленные на защиту военных секретов. В крупных штабах агентура контрразведки имела задание выявлять и своевременно докладывать о нарушениях секретного делопроизводства и возможных каналах утечки секретных данных. Значительные нарушения секретного делопроизводства были выявлены, например, штабной агентурой КРО Московского военного округа. С целью предотвращения хищений в почтово-телеграфных учреждениях телеграмм секретного военного характера ГУГШ рекомендовало контрразведывательным отделениям иметь в этих учреждениях свою агентуру. Кроме того, это позволяло путем перлюстрации корреспонденции проводить на почтово-телеграфном канале дополнительные мероприятия по выявлению возможных связей иностранных разведок со своими агентами.

Русская военная контрразведка, предвидя возможность использования радиосвязи для двусторонних сношений иностранных разведок со своей агентурой, систематически проводила конкретные мероприятия с целью выявления агентуры противника на радиоканале. Данная работа проводилась по двум направлениям: через агентуру КРО и через специалистов по радиотелеграфному делу. Агентам контрразведки разъяснялось назначение тайных радиостанций противника, а также меры по их обнаружению по внешним признакам. В обязанности специалистов по радиотелеграфному делу входило наблюдение за телефонной сетью в городах, устройство простейших приемных детекторных станций, установка тайных приемных станций с радиотелеграфными приемниками, а также устройство подвижных приемных радиостанций на автомобилях, двуколках или переносимых людьми.

В связи с принятием в России с началом войны различных дополнительных ограничительных мер по противодействию подрывной деятельности иностранных разведок Германия и Австро-Венгрия были вынуждены более интенсивно вести разведку против русских с территории третьих стран. Это, в свою очередь, заставило русскую контрразведку активизировать контрразведывательную работу за границей.

Единого руководства русской военной контрразведкой за границей создано не было, хотя согласно «Наставлению по контрразведке в военное время» этим должно было заниматься КРО ГУГШ (с августа 1915 г. ЦВРБ ГУГШ). В действительности контрразведку за границей почти самостоятельно проводили: из центральных органов контрразведки – ЦВРБ и военные агенты (атташе) Генерального штаба, из местных органов – КРО фронтов и даже некоторых армий (например, активную контрразведку за границей проводило во время войны КРО 6-й армии), а также КРО некоторых пограничных военных округов. К их числу необходимо отнести Одесский, Киевский, Петроградский и Иркутский военные округа.

Кроме того, Россия проводила контрразведку за границей и совместно со своими союзниками. Так, в Париже страны Антанты образовали для этих целей «Союзническое бюро».

Союзническое бюро (Междусоюзническое бюро – другое название этого органа) было создано при французском военном министерстве в конце 1915 г. В его состав первоначально входили представители Франции, Англии, Италии и Сербии. Русское командование сначала имело в бюро только наблюдателей, лишь в декабре 1916 г. в Союзническом бюро было создано русское отделение, положение о котором утвердил начальник штаба Верховного главнокомандующего. Начальником русского отделения был назначен граф П.А. Игнатьев, брат русского военного агента (атташе) в Париже во время войны А.А. Игнатьева⁴⁵. Основной задачей графа Игнатьева П.А., возглавлявшего «Союзническое бюро», была разведка в интересах военного командования России. В конце 1916 г. в распоряжении Игнатьева П.А. для этих целей имелось

---

⁴⁵ Звонарев К.К. Агентурная разведка. Кн. I: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М.: БДЦ-прес, 2003. С. 165, 170–177.

8 разведывательных организаций, действовавших с территорий нейтральных стран, а также и на территории противника⁴⁶. Кроме того, «Бюро» участвовало в совместном изучении и выработке общих мер борьбы с неприятельским шпионажем, контрабандой, пропагандой и дезинформацией противника.

В Румынии, после ее вступления в войну на стороне союзников, было создано специальное отделение по борьбе с австрийским шпионажем и заключено соглашение о совместной с русской контрразведкой деятельности по выявлению неприятельских шпионов⁴⁷.

Русская военная контрразведка установила, что разведки противника для прикрытия своей шпионской деятельности на территории нейтральных государств против России и ее союзников активно используют возможности своих посольств, консульств, военных агентов (атташе) и различных фирм. Перед войной 1914–1918 гг. Германия имела военных агентов в 14 государствах: Швейцарии, Бельгии, Румынии, Америке, Австрии, Турции, Англии, Испании, Франции, Китае, России, Италии, Швеции, Японии. Кроме того, с Германией находились в деловых и политических отношениях 95 шведских фирм, 81 датская, 99 норвежских, 67 японских и 48 фирм США⁴⁸. Это обстоятельство побуждало русскую военную контрразведку к активным действиям против данных учреждений противника. В первую очередь органы заграничной военной русской контрразведки были образованы в Швеции и Румынии, немного позже в Дании и Швейцарии⁴⁹.

Определенная контрразведывательная работа по борьбе с разведками противника проводилась русской военной контрразведкой и на территории некоторых союзных с Россией государств с их согласия.

В начале 1917 г. в США был образован русский разведывательный орган, одной из задач которого являлась контрразведка. В середине 1917 г. генеральный штаб России уже выделял денежные средства на ведение контрразведки не только в Швеции, Швейцарии, Дании и Румынии, но и во Франции. В отношении же Англии было сказано, что самостоятельной контрразведки там не было, так как пользовались услугами английской контрразведки. Прикрытием для чинов военной контрразведки за границей служили официальные государственные учреждения России: посольства, консульства, аппараты военных агентов, а также торговые и промышленные фирмы. Так, личный состав органа, который должен был заниматься контрразведкой в США, выступал под прикрытием неофициальных и официальных сотрудников русского военного агента в Нью-Йорке. Орган контрразведки 6-й армии, действовавший в Швеции, выступал под прикрытием торговой фирмы⁵⁰.

Заграничная контрразведывательная работа, являвшаяся важной частью всей контрразведывательной деятельности России, призвана была обеспечивать наступательный и активный характер борьбы русской военной контрразведки с подрывной деятельностью противника. Конкретные задачи, стоявшие перед военной заграничной контрразведкой во время войны, были сформулированы, например, в одном из указаний Верховного главнокомандующего, согласованного с Генеральным штабом. Так, на заграничную контрразведку было возложено выяснение шпионских организаций, лиц, стоящих во главе их, агентов, занимавшихся подбором и командированием в пределы России шпионов и самих засланных шпионов. Далее в этом указании говорилось, что русская контрразведка должна выяснять время выезда шпионов, по возможности маршруты их движения по России, устанавливать за ними секретное наблюдение, выяснять их связи в России и путем арестов и обысков пресекать их преступную деятель-

---

⁴⁶ Авдеев В.А., Карпов В.Н. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатъев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. М.: Вече, 2009. С. 204.

⁴⁷ Никитинский И.И. История политического розыска, разведки и контрразведки в России до 1917 г. Ч. III. С. 185.

⁴⁸ Звонарев К.К. Агентурная разведка. Кн. 2. С. 12.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 356. Л. 11–11 об. Д. 631. Л. 29 об.

⁵⁰ Никитинский И.И. Из истории русской контрразведки: сб. документов. М.: ГАУ МВД СССР, 1946. С. 269.

ность. Выполнение этих задач русская заграничная контрразведка осуществляла различными методами. Особое место среди них занимало «выяснение заграничных разведывательных центров» противника, или, иными словами, агентурное проникновение к противнику. Достигалось это путем заведения в означенных центрах постоянной внутренней агентуры. Например, проникновение русских в австрийскую разведку было осуществлено через вербовку сотрудника данной разведки А. Редля русским военным агентом полковником М. Марченко. Самая высокая должность, какую занимал впоследствии Редль в австрийской разведке, была должность начальника агентурного отделения разведывательного бюро Генштаба⁵¹.

Для разведывательного проникновения в спелслужбы противника использовался и другой прием: устройство на службу к ним подставных лиц. Ценная информация, например, о деятельности разведорганов Германии против России с территории Румынии поступала в русскую контрразведку от секретного агента, подосланного к немцам русским военным агентом (атташе) полковником Б.А. Семеновым. Значение этого метода деятельности состояло в том, что с его помощью решались такие задачи, которые другими методами русская контрразведка решить бы не могла. От агентуры, приобретенной или внедренной в разведывательные органы противника, русская контрразведка, например, получала сведения об организации в России иностранной разведки той или иной страны. Так, например, агентурным путем была получена информация об организации австрийской разведки в России перед войной. Русская контрразведка от своих агентов, работавших в австрийском Генеральном штабе, узнавала о том, какие секретные сведения и документы, касающиеся России, удалось заполучить австрийской разведке. Это позволяло, в свою очередь, русской контрразведке определить, и иногда довольно с большой точностью, из какого российского учреждения произошла утечка данной информации и кто в этом повинен.

---

⁵¹ Звонарев К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 89.

Альфред Редль

От русских контрразведчиков, работавших в «Союзническом бюро», от военных агентов (атташе) и от секретных агентов, внедренных в разведорганы противника, часто поступала информация, касающаяся шпионской деятельности в России конкретных лиц или даже целых групп. Так, в мае 1917 г. «Союзническое бюро» сообщило, например, об иностранце майоре Асниере, подозреваемом в шпионаже. Из генерального штаба Великобритании поступили для русских сведения на 24 немецких шпиона, действовавших в 1916 г. на Востоке. Военный агент в Румынии сообщил в октябре 1915 г. в ГУГШ сведения об одном ротмистре, посылающем из России конспиративно донесения для австрийского разведоргана в Румынии. Военному агенту в Румынии полковнику Б.А. Семенову удалось выявить и собрать подробные сведения о 16 филиалах немецкой разведывательной службы в Румынии, которые занимались подрывной деятельностью против России. Кроме того, военному агенту удалось выявить и значительную часть агентуры, работавшей в этих филиалах, и предоставить списки агентов в ГУГШ. Всего в списках значилось более 150 человек.

Успешно действовала в Румынии и заграничная агентура КРО штаба VII армии, которая вела разработку немецкой шпионской организации, руководимой Вернером. Заграничная

агентура КРО штаба VII армии выявила 37 агентов организации Альберта-Вернера Вассерфогеля и представила их список в ГУГШ⁵².

Кроме того, русская военная контрразведка проводила активную работу по своевременному выявлению и разоблачению в нейтральных странах подставных адресов, которые использовались разведками противника для почтовой связи с агентурой, действовавшей в России. Так, например, по сообщению штаба VII армии были указаны адреса: «1) Румыния, Бурдужени, вокзал г-ну Бабину для Берковича и 2) г. Галац часовому мастеру Голштейну, страда Текуч». Данные адреса служили для шпионских сношений находящихся в России австрийских разведчиков.

Заграничная агентура КРО штаба Иркутского военного округа активно противодействовала немецкому шпионажу в Китае. Поскольку деятельность немецкой разведки была направлена там не только против России, но и против ее союзницы Англии, то русские контрразведчики действовали в Китае совместно с представителями секретной службы Великобритании. Совместными усилиями им удалось не только арестовать некоторых немецких шпионов, но и возбудить против них в Шанхайском смешанном консульском суде громкие судебные процессы. В ходе разбирательства по этим делам было установлено, что немецкая разведка, кроме сбора сведений военного характера, подыскивала в Китае лиц для производства взрывов на пароходах, перевозящих русские войска, устройства крушений поездов по линии железной дороги от Владивостока и далее вглубь России и т. п.

В интересах ставки верховного главнокомандующего с началом Первой мировой войны за границей стала действовать реорганизованная в интересах военного времени, заграничная агентура ДП МВД. Департамент полиции потребовал от руководства заграничной агентурой наладить работу по получению «сведений разведывательного и контрразведывательного характера»⁵³.

Рассмотренные выше и многие другие материалы позволяют сделать вывод, что в деятельности контрразведывательных отделений следует выделить два основных периода борьбы с иностранными разведками: в мирное время и в условиях Первой мировой войны. Для каждого из этих периодов были характерны свои особенности в деятельности русской контрразведки, решающее влияние на которые оказывала изменяющаяся тактика подрывной деятельности противника. Перед Первой мировой войной, например, основными объектами деятельности КРО являлись иностранные посольства, консульства, аппараты военных агентов, торговые, промышленные и финансовые фирмы на территории России. Контрразведка в этот период проводилась в основном только на территории самой России, а шпионаж являлся, как правило, основной формой подрывной деятельности противника, с которым приходилось вести борьбу русской военной контрразведке.

С началом войны характер контрразведывательной деятельности существенно меняется. Кроме шпионажа, который хотя и оставался главной формой подрывной деятельности, противник стал прибегать к использованию террора, диверсий, вредительства, враждебной пропаганды и т. п. В этот период с ликвидацией официальных представительств и учреждений противника в России основными объектами деятельности КРО становятся неприятельские разведчики и агенты, действующие поодиночке или небольшими группами, подготавливаемыми и засылаемыми через линию фронта в массовом порядке. Объектами специального контрразведывательного обследования становятся также военнопленные и беженцы из оккупированных территорий. Во время войны противник при вербовке агентов стал делать ставку на другие категории лиц, нежели до войны. Теперь это были, как правило, лица из числа чинов русской армии, попавшие в плен или служившие в войсках, лица, захваченные противником

---

⁵² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 683. Л. 46–47.

⁵³ Борисов А. Особый отдел империи. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2001.

на оккупированной территории, лица без гражданства, граждане нейтральных или даже союзных с Россией государств. По своему возрасту некоторые агенты этих категорий были лицами непризывного возраста: подростки или старше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.